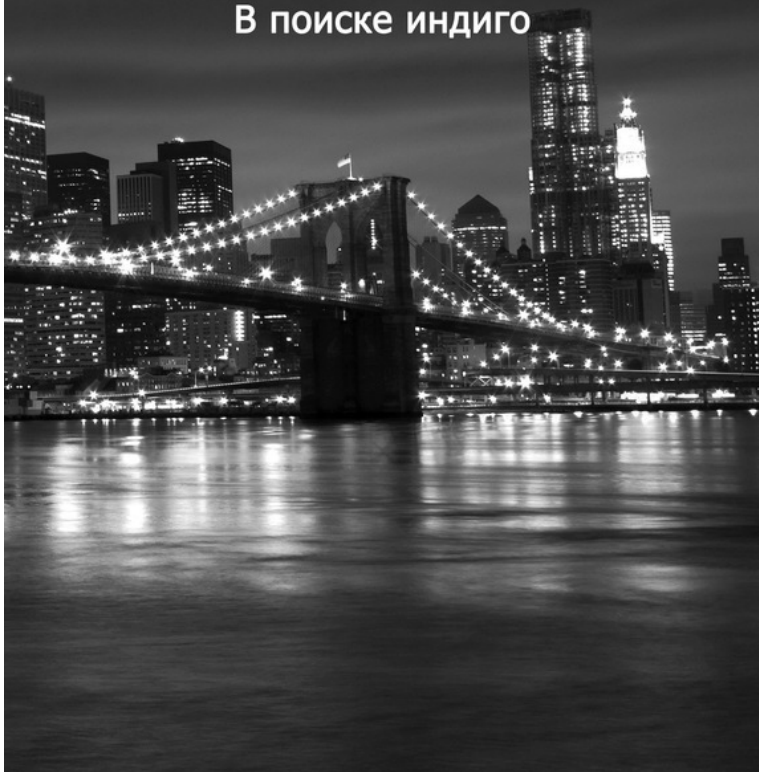

Берхеев Дамир

В поиске индиго

Дамир Энверович Берхеев

В поиске Индиго

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17408464

В поиске индиго / Дамир Берхеев: Книжкин Дом; Москва; 2016

Аннотация

В один из августовских дождливых дней в центре Нью-Йорка находят четырех подростков в окровавленной одежде и с явными признаками психического расстройства. Их полная амнезия и животный страх затрудняют расследование об их прошлом... Кто они? Откуда пришли? И что с ними сделали? Все эти вопросы берется решать частный детектив Алекс Фитцджеральд, известный в многомиллионном городе своей нетрадиционной методикой расследования, включающей, как гипноз, так и телепатию.

Это первая книга про детектива Алекса Фитцджеральда.

Дамир Берхеев

В поиске индиго

*«Нет большего мучения, чем о поре счастливой
вспоминать».*

Данте Алигьери «Божественная комедия».

Текст книги представлен в авторской редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских материалов и не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов, данных, результатов и другой информации.

Казалось, ангелы сидели на краю небес и лили слезы по всему человечеству. Капли сострадания и печали падали в виде дождя на многомиллионный город, пугающий своей мрачностью и необъятностью. Высотные дома достигали юбок облаков, облаченные в металл и стекло, они выглядели строго, но в то же время бездушно – никакой теплоты, зато строгость стиля и правильность формы. Самые глубокие подвалы достигали центра земли, возможно рядом с вырытыми впадинами спали древние существа, чей покой изо дня в день тревожила буравящая техника. Несмотря на летний сезон и вечернее время – темень от дождя стояла ночная...

Яркие краски встречались лишь на огромных телевизионных биллбордах, рекламирующих «PEPSI COLA», горячие туры по латиноамериканским странам и модную технику

на базе андроида или других операционных систем. Радость красок спала даже со спортивных автомобилей, чей стайлинг в солнечное время удивлял мозаикой цветов. Но кипящая жизнь города не прекращалась и под ливнем.

Если смотреть глазами жителей мегаполиса, можно прочитать их мысли: «Боже мой! И зачем столько бутиков? Мне кажется их больше чем население города... Метро? Ну конечно, это же город-миллионник... Интересно почему такси желтого цвета – мне этого никогда не понять... А эта блондинка в красном просто шикарна. Она одна без зонтика, но он был бы лишним аксессуаром в ее стиле... С утра жарило солнце, а теперь Всевышний хочет потушить накалившуюся землю – асфальт все еще отдает теплотой... Господи Иисусе!!! Это еще что?!!»

Миллионы судеб, переплетенных между собой, чья-то сюжетная линия более тесно, другая просто обменявшимся взглядом в толпе прохожих или оставленным ароматом одеколona одним – и вдохом этого запаха другим.

Но взгляды всего города воедино устремились на четырех, подростков с разных сторон входящих в центральное кольцо Нью-Йорка: «Господи, что с ними?» ... «Дорогая, отойди от нее – она может быть опасной»... «Что за черт!!!»

Всех четверых объединял внешний вид: отсутствие одежды, их тела, измазанные в крови, у каждого в руках была выбита татуировка. Но самое главное – глаза, точнее отсутствие понимания происходящего в них. Если во взгляде простого

человека царила жизнь, то у этой четверки – пустыня.

Дойдя друг до друга, они повалились от бессилия. Все, что они чувствовали – теплый асфальт и ледяной дождь.

* * *

1990 год.

Небольшое селение на востоке страны. Из достопримечательностей только бескрайние прерии и заброшенный аэропорт, куда хоть и изредка, но приземлялись самолеты фермеров или небольшие лайнеры наркоторговцев.

Любимыми послешкольными занятиями двух братьев было изучение ангаров-пристанищ самолетов, скелетов летательных аппаратов, догонялки на взлетной полосе.

– Видишь постройку? – указывая на пункт управления полетами, спросил один из братьев.

– Вижу, – подтвердил второй.

– Там живет призрак убитой женщины, – фантазия шестилетнего мальчика проявлялась во всей красе. – Она такая толстая и страшная, что когда люди ее видят – сразу умирают от сердечного приступа... Пойдем туда.

– Ну, мы же тоже можем умереть, – второй брат был не так смел как первый.

– Зато увидим приведение. Побежали! – он практически достиг здания, когда второй только набрался смелости двинуться в его сторону.

– Алекс, почему так долго?

– А вдруг нас посадят в тюрьму? Сайман, я слышал – полицейские часто сюда приезжают.

– Не говори глупостей – мы же не наркоторговцы. Если нас даже схватят – скажем, что просто играем здесь в войнушку... Ладно – возьму бластер и молнеметатель... Стой здесь – я сгоняю за ними.

Он пронесся подобно ветру через всю взлетную полосу, свернул в сторону разбитого авиалайнера и начал искать тайник – большой сундук, скрытый тенью алюминиевого крыла самолета и грудой жестянок.

В сундуке хранились цветные карандаши, медвежонок Фреды – пуговицеглазый, коричневый с белыми ушками – единственный знающий все тайны братьев; карта их селения с названиями, понятными только им: кладбище стальных колибри, комната тихого Дьявола, холм героя Вьетнама, козырек кепки Иисуса, тропа умирающего Сэма и все в подобном роде.

В общем, все новые слова или выражение, услышанные от друзей, родителей, учителей или по телевизору сразу вносились в название объекта карты.

Помимо этого в сундуке хранились пара комиксов о «Человеке пауке», кубик-рубик, привезенный дядей из Советского Союза, сломанный будильник и две палки, обмотанные разноцветными изолентами и проволоками. На одной из них выжжено спичками «SF» на другой «AF». Основным отли-

чием игрушечных пушек был наконечник ствола: у одного с разведенными в сторону усиками у другого с зауженными. Смысл конструкции Сайман объяснял просто: «С широкими концами легче собирать силу молнии, а с узкими – лазерный луч стреляет точнее».

– Ты где был? – жаловался Алекс. – Я уже хотел уйти домой.

– Не бойся, брат. С этим оружием у нее нет шансов, – открывая дверь подобно спецагентам из их любимых комиксов, пред ними открылась жуткая картина: на цепях висел парень лет двадцати пяти, его жилистое тело было изувечено, видно, что его пытали. Причем не только резали ножом, но и прожигали, забивали в хрящи гвозди и, судя по черно-синим отметинам по всему телу, было ясно, что сначала его бесчеловечно избили.

Оба брата замерли, смрад разлагающегося тела, казалось, проник не только в органы обоняния, но и в детскую душу. «Чтобы он не знал – он сказал все».

– Давай не будем никому рассказывать об этом.

– Давай, – согласился Алекс, замерший на пороге. – Только пойдем отсюда.

– Да подожди, – не обращая внимания на весь ужас, он вошел в помещение и, медленного шагая вокруг висящего тела, начал рассматривать труп. – Смотри какие порезы...

– Сайман...

– Ему, наверное, было жутко больно...

– Сайман!

– Ты бы видел его спину... Тут какие-то рисунки.

– Сайман!!! – наконец, брат оторвался от покойника.

Алекс сквозь слезы добавил: – Я хочу к маме... Пойдем отсюда... Ну, пожалуйста.

– Да... Да, конечно, – только после этих слов они покинули помещение.

По дороге домой они не проронили ни слова, будто и не видели измученное тело. Солнце обдувало золотой пылью долину прерий. Теплая погода под руки с ветром гуляла по местности на протяжении всего утра, а голубизна небосвода отражалась в глазах мальчишек.

Дома их ждал накрытый стол с парным молоком, хрустящими булками и геркулесовой кашей. Мать готовила в духовке хлеб, ароматом выпечки заполняя весь дом.

– Ну как? Набегались? Мойте руки и садитесь есть, – одетая просто в платье шоколадного оттенка и белый платок, она казалась самой красивой женщиной в мире. Ее золотые кудри и голубые глаза передались сыновьям. Семья только села обедать, как в дверь кто-то постучал.

– Интересно, кто это может быть, – с этими словами она вышла открывать дверь. Редкие гости заглядывали в их дом, не считая дяди Тома, кузена Чаки и тетушки Люсии. Остальные родственники проживали в крупных городах. А сюда семью закинуло пожелание отца воспитывать детей в условиях чистого воздуха и заниматься фермерским делом, но вне-

запная болезнь превратила счастливую семью в неполную. Братья пережили это словно у них никогда и не было отца, возможно из-за малого возраста, но скорее всего из-за того, что они были друг у друга – потерю брата второй бы оплакивал всю жизнь.

– Здравствуйте, миссис Фитцджеральд, если я не ошибаюсь? – в дверях стоял мужчина приблизительно того же возраста, что и она. Отнюдь не худой, но назвать его толстым тоже было нельзя. «Типичный фермер, как и все соседи вокруг» – заключила бы любой, смотря на его комплекцию. Но строгая одежда говорила о другой направленности профессии. Кремовый пиджак, под которым была аккуратно отглаженная белая рубашка, туфли коричневого цвета, светлые брюки и желтая шляпа. Все на нем смотрелось без лишнего шика – просто. Дороговизну выдавали только золотые наручные часы и кожаный чемодан.

– Да, я миссис Фитцджеральд, – хозяйка была порядком удивлена внезапному гостю. – А кто вы?

– Я, Джон Синклер, учитель Кремьонской школы. Ваши дети, если не ошибаюсь, в этом году идут учиться? Я бы хотел поговорить с ними.

– Да, конечно, – открывая дверь нараспашку, она пригласила его в дом. – Вы знаете они такие чудные. Сайман всегда в движении, энергия просто сыпется из него, а Алекс спокойный, что говоришь ему – он делает... Кстати вот и он, – за столом сидел один из ее сыновей. – Алекс, а где Сайман?

– Он зачем-то убежал наверх, – мешая кашу, сказал мальчик.

– Я же говорю – и пяти минут не может посидеть на месте. Проходите, садитесь за стол... Что будете?

– Нет-нет, спасибо. Мне нужно спешить, предстоит обойти много семей... Слава Богу, долина прерий оживает, появляющимися семьями, и это радует, – он сел за стол, но даже не посмотрел на еду. – Ну, Алекс, будем знакомы. Я, мистер Синклер.

– Здравствуйте, мистер Синклер, – скромно поздоровался мальчик, пожимая протянутую руку мужчины. Как бы он не пытался убрать взгляд, у него это не получалось глаза учителя будто магнитили взор Алекса.

– А школа хорошая? – поинтересовалась мама.

– Ее только открывают. Так что ваши малыши будут первыми выпускниками и, надеюсь, прославят ее. Америке нужны умные и талантливые... Ну, приступим.

Он выложил содержимое чемодана: старую книгу в вишневом переплете, с названием по латыни, выгравированным золотыми буквами, нож с перемотанной рукояткой и блестящим на солнце лезвием, карту, в виде свитка с обожженными краями и зеленый эликсир в прозрачной колбе.

– Алекс, выбирай предметы, которые тебе нравятся, – мужчина каждую фразу произносил с улыбкой. Было видно, что человек добрый и жизнерадостный.

Мальчик пододвинул к себе книгу и убрал руки со стола.

– Это все, что тебе нравится?

– Часы...

– Что часы?

– Мне нравятся ваши часы, но вы их не поставили на стол.

– Алекс? – удивилась мать.

Эта наглость рассмешила учителя.

– Конечно, конечно. – он снял часы и отдал их мальчику.

– Вот, теперь все.

– Ваш сын прошел испытание. Он будет хорошим учеником.

– Скажите, пожалуйста, а для чего весь этот экспериментом? – поинтересовалась женщина. – Это обязательно для вступления в вашу школу.

– Именно для нашей – обязательно. А Келианская принимает и без них.

– Ваша школа чем-то отличается?

– Разве что хорошими учителями, – уклончивый ответ мать воспринимала как убедительный довод.

– Понятно, – Сайман спустился со второго этажа, женщина представила и его. – Мой второй сын Сайман, Сайман-ураган как мы его называем в семье.

Мальчик стоял на пороге входа в кухню. Учитель увидел то, чего не видели другие – АД.

В глазах малыша бродило пламя преисподней. Миллионы мучающихся душ, вешались, умирали на гелиантинах, прокалывали друг друга мечами... затем снова воскресали

и умирали снова. Дьявол подгонял огненных чудовищ и мучителей слуг, чтобы не давали спуску провинившимся душам. Вся масштабная картина, проходила в маленьких глазах пятилетнего ребенка. В завершении Дьявол превратился в смерч и сжег всю преисподнюю. Мальчик закрыл веки, подобно занавес спектакля, а открыв, вновь представил небесные глаза.

– Простите, но мне пора, – в спешке, дрожащими руками закидывая со стола принадлежности, произнес мистер Синклер.

– С вами все в порядке? – миссис Фитцджеральд заметила нервозность гостя.

– Да... Непременно... Алексу мы рады. Он нужен нашей школе. За ним каждое утро будет приезжать автобус, еда и обучение бесплатно... Чертов чемодан – никак не закроется...

– А как же Сайман? Они все-таки братья и всегда должны быть вместе.

– Нет, – отрезал мужчина. – Келианская школа тоже неплохая... Она и ближе... Всего доброго. Был рад знакомству.

Подобно ветру он исчез, оставив больше вопросов, чем ответом.

Наши дни

Говорят, что небоскребы Нью-Йорка достигают звезд, в таком случае Алекс Фитцджеральд жил на полпути к небу. К своим 28 годам он успел наработать себе славу преуспевающего детектива. Причем он раскрывал, казалось бы, безнадежные дела, пользуясь такими методами как гипноз и телепатия. Еще одним отличием от стандартных детективов было отсутствие офиса – он принимал клиентов у себя в дома – ему казалось, что домашняя обстановка более расслабляет и успокаивает пришедших клиентов.

Утренний распорядок протекал одинаково: подъем в шесть, гимнастика, хотя приверженцем спорта детектив не был, затем душ, завтрак и чтение свежей газеты. Что отличало его меню – это ароматный, молотый, бразильский кофе. Пусть натуральные сорта били по карману, но не вкусив натурального кофе, работа будто не шла. В первое время Алекс сам предлагал детективные услуги, узнавая о громких преступлениях из СМИ, вскоре успешные раскрытия дали ему имя и разрывающийся телефон от поступающих предложений взяться за то или иное дело. Фитцджеральд отсеивал легкие бытовые преступления вроде кражи ценностей из квартиры или уличные разбои и брался только за особо сложные. Очередное утро было таким же, как и вчера, только

дождь... Не успокаивающийся ливень барабанил по пластиковому стеклу 37 этажа.

Квартира состояла из трех комнат: кухня, гостиная и спальня. Обычная кухня – комната для приема пищи с холодильником, полками для посуды, мраморного цвета столом и тремя стульями, единственное, что возможно отличало вашу кухню от его – пара картин в стиле французских художников средневековья.

Небольшую спальню можно считать рабочим кабинетом, помимо большой кровати в нем располагался стол с компьютером, сейф с текущими и нераскрытыми делами (материалы о прошлых преступлениях сжигались) и шкаф с бедным аксессуаром: коричневый кожаный плащ, синяя рубашка, галстук, черные брюки и черные туфли – повседневная форма одежды детектива. Но в гардеробе кроме пары спортивных костюмов, пуховика и рубашек практически ничего не было. Обе комнаты уютны, но без лишнего шика – все необходимое и ничего более.

А вот огромная гостиная была обставлена по высшему классу – зеркальный потолок золотистого оттенка с огромной хрустальной люстрой, обои-хамелеон меняли цвет с пугающего салатового на тепло-персиковый. В углу комнаты стоял огромный плазменный телевизор, полки с книгами психологии, настенные часы, мирно тикающие в такт сердца, белый диван с двумя креслами и как бы не было банально – персидский ковер с изображением каравана.

Рядом с плазмой стояло кресло, за ним располагался стол и еще одно кресло. Обычно в этом месте и проводилась беседа с клиентами. Детектив смотрел на нуждающегося в помощи, а тот с успокоением в окно. Но пока мирное утро и дождь.

«Боже мой, льет как из ведра».

Темную комнату осветил включившийся телевизор.

– Главное событие Нью-Йорка – не объяснимое появление четырех обнаженных подростков в центре города, – оператор демонстрировал съемки уличной камеры видеонаблюдения с любительскими кадрами с мобильных телефон. – Все четверо отправлены в психиатрическую больницу «Ломпака, где им будет оказана необходимая помощь. Другие новости – певица Бьонсе начинает гастрольный тур по Европе...

Алекс выключил телевизор, и комната вновь погрузилась во мрак. «Странное дело... Нужно бы навестить «Ломпак».

На домашнем телефоне только одно голосовое сообщение: «Привет, Алекс, это Милена... Хотела сказать спасибо за вечер. Он был просто чудным... Может, повторим? – последняя фраза была сказана со стеснением. – Позвони мне как освободишься».

Коричневый плащ и зонт стали новшеством дня. Заперев дверь, Фитцджеральда чуть не хватил удар – пожилая женщина появилась буквально из неоткуда.

– Здравствуйте... Извините, я похоже напугала вас, – ее голос был спокойным, добрым. Интеллигентная дама была

в кремовом костюме с белой блузкой и светлыми туфлями, только фетровая шляпа, кожаная сумочка белого оттенка и ожерелье из жемчугов говорили о ее состоятельности.

– Все нормально... Просто вы так неожиданно появились. Чем могу помочь?

– Вы знаете... – она мяла сумочку. – У меня проблема.

Она расположилась на краю кресла, согнув спину. Детектив заварил фирменный кофе, наполнившим благовоньем весь зал, но дама ответила отказом.

– В таком случае перейдем к делу. Что вас беспокоит? – Алекс отпил напиток и уселся напротив. Наблюдая за чертами лица, движения глаз и жестикуляцией он мог определить искренность разговора и характер собеседника.

– Меня зовут Саманта Флюгер. Мистер Фитцджеральд, я пришла по поводу дела конфиденциального характера... Три дня назад в своем почтовом ящике я нашла письмо, которое мне прислал супруг. Он писал, что живет на берегу моря и встречает рассветы, просыпаясь рано утром. Днем занимается садоводством, в основном выращивает лимон. По выходным дням ездит на велосипеде в соседний городок, кажется Сильвер таун, а перед сном читает Ирвина Шоу и Габриэля Гарсию Маркеса... В общем он пишет, что у него все хорошо, – она замолчала, в ожидании очевидного вопроса.

– Простите, так в чем все-таки проблема?

– Мой муж умер три года назад...

Детектив озадаченно взглянул на собеседницу, но раски-

нуж парой догадок, заявил:

– Возможно, пишет не он...

– Это его почерк, – протянула дама. – Мы часто писали друг другу письма по молодости. Поверьте, его неровные буквы я узнаю из сотен тысяч букв.

– Тогда возможно, он отправил письмо, когда еще был жив...

– Исключено... Он пишет о наших днях. Знает какая стоит погода, написал, что «Ред Сокс» стали чемпионами, при плохой в этом году игре, и высказал пару замечаний о новоизбранном президенте.

– Хм... – она не подавала знаков обмана, ни один нерв при беседе с ним не дрогнул на ее лице. Фитцжеральда заинтересовал мистический случай. – У вас есть какие-нибудь предположения? Может все-таки кто-то с похожим почерком прислал его вам?

– Письмо отправлено им... Да и много личных воспоминаний, о которых знали только он и я.

– Ясно... Предоставьте мне пожалуйста письмо.

Она уронила сумочку – первый выявленный признак нервозности.

– Извините, но оно слишком личное и, как мне кажется, я его оставила дома, – пожилая дама стала копаться в сумочке. – Где же оно?.. Ни уж то выложила?.. Похоже на то.

– В таком случае мне не от чего отталкиваться... Простите, но детективное дело как строительство – фундамент обя-

зателен.

– Понимаю... Если вы не против я принесу его вам завтра, – вставая с кресла, она добавила. – Всего доброго.

* * *

Серебристый автомобиль детектива модели «Ford Sierra» пробирался сквозь знаменитые пробки Нью-Йорка, выделяясь от соседей в металлической реке своим возрастом. Машины восемьдесят шестого года все-таки считались уже раритетными.

«Город – мне всегда казалось, что это что-то живое, подобное организму – по асфальтовым, трамвайным, каменным и грунтовым венам огромного существа ходим мы с вами; он крепко стоит на бетонных ногах зданий, разговаривает с помощью радио и телевидения, смотрит на нас рекламными стендами, благоухает ароматом бензина и металла... А во время пробок он еще более кажется одушевленным... Контраст разноцветных автомобилей, даже в серое время суток, энергия массового передвижения даже в многотысячной пробке... Это прекрасно».

Выехав из кишашего Нью-Йорка в загородные просторы, проблема пробок отпала, но авто продолжало ехать не превышая скоростного режима. Ливень серой тенью и скользким асфальтом не многословно велел брать его в расчет при вождении. Огромные строения с каждым пройденным кило-

метром становились все ниже и ниже, а вскоре совсем пропали, открывая безжизненные поля с рыже-туманной окраской и редкими деревьями. Сворачивая с твердой дороги на грунтовую, машина шла то юзом, то застревала в лужах.

«Сразу видно – в нашей стране наплевать на психов, хотя зря – их как минимум полстраны, – заключил про себя Фитцджеральд. – Зомбированные избиратели сумасшедших многомиллионников».

Здание «Ломпака» больше походило на тюрьму: контрольно-пропускной пункт с охранником, высокий забор, обмотанный колючей проволокой, устрашающее квадратное здание с решетками на окнах, при каждой вспышке молнии в памяти всплывали знаменитые фильмы ужасов.

«Идеальное место, чтобы сломать психику».

Автомобиль остановился у шлагбаума.

– Прием посетителей с двенадцати до трех, мистер, – пожилой усатый охранник с худощавым лицом не удосужился даже выйти из своей будки.

– Частный детектив Алекс Фитцджеральд, – представился водитель, спуская окно и показывая служебное удостоверение. – Мне бы хотелось поговорить с главврачом об интересующем меня деле. Не подскажите, как его найти?

– Сейчас, – проговорил охранник, надевая очки. – Только отмечу Вас.

«Надеюсь, он не развалится, пока вписывает мою фамилию?»

– Машину оставите на парковке, а на входе спросите куда пройти. Главный врач находится на первом этаже.

– Благодарю, – шлагбаум поднялся, давая путь в одинокую парковку «Сиерре».

«Они что все ездят автобусом?» – предположил детектив. На стоянке кроме его «Сиерры» наблюдалось еще четыре автомобиля.

За то время пока он бежал от автомобиля до дверей больницы, его будто накрыло волной. Дождь не думал жалеть приезжих.

Главврачом оказалась невысокой женщиной сорока пяти лет с короткостриженной кудрявой прической ярко-огненного оттенка и лазурными глазами, чью красоту скрывали элегантные окуляры очков.

– Вы знаете... – начала она пояснение, сопровождая детектива в палату к первому пациенту, – Когда их привезли, они были в бессознательном состоянии. К сегодняшнему утру оклемался лишь один. Они находятся в состоянии сильного психического расстройства. Абсолютно ничего не помнят и боятся любого шороха... Даже не знаю, что так могло их напугать...

– С ними можно поговорить?

– Как их лечащий врач могу заявить твердо – раньше двухнедельной реабилитации к ним посещения запрещены... Даже представителей структур. Единственное чем я могу Вам помочь – это проводить в палату, чтобы Вы визу-

ально оценили их состояние.

– Боюсь, что эти четыре подростка не все жертвы данной истории.

– Какой истории? – поправляя очки, поинтересовалась женщина.

– Это мне пока тоже не известно... Скажите, пожалуйста, все четверо находятся в шоковом состоянии?

– Нет. Один из подростков сказал, что его зовут Гарри Фитч. В отличие от других он хотя бы может разговаривать.

– Прошу Вас дайте мне десять минут общения с ним.

– Ничем не могу помочь, детектив, – отрезала она и чуть мягче добавила. – Поймите, излишние вопросы и тяжелые воспоминания могут сломать его. Дайте ему хотя бы неделю восстановления.

– Я не буду разговаривать с ним о произошедшем.

– Что? – удивилась женщина. – Тогда о чем Вы хотите побеседовать с ним?

– О нем, – коротко ответил Алекс.

Палата Гарри Фитча походила на простую комнату жилого дома. Белый цвет хоть и преобладал в помещении, но не нагонял больничной тоски, как это обычно происходит. Помимо кровати, на которой сидел пациент, уткнувшись в пол, комната была обставлена столом с двумя стульями и умывальником. Страшное на внешний вид здание психиатрической больницы хранило уют и защищенность. Единственное, что смущало – окно обветвленное клетчатой решеткой.

Перед входом в палату главврач заверила, что будет находиться до окончания разговора:

– При первых приступах недомогания я буду вынуждена выпроводить Вас, – заверила женщина, открывая дверь палаты. – Поэтому продумывайте вопросы.

Детектив кивнул, заходя в чистое помещение. Серый холод на мокрой картине окна казался фильмом, выдуманном и нереальным, но семнадцатилетнему юноше была безразлична реальность... Он боролся внутри.

Детектив сел за стол, вытаскивая из внутреннего кармана бумагу и карандаш.

– Здравствуй, Гарри, – поприветствовал он пациента. – Как твои дела?

– Я Вас не знаю, – подобно роботу, не поднимая глаз, сказал Фитч.

– Да ты меня не знаешь... Я, Алекс. Частный детектив, – назвав свою профессию, он ожидал какой-либо реакции, но тщетно – пациент продолжал смотреть в пол.

«Нужно как-то его расшевелить...»

– Гарри, ты любишь дождь?

– Да... Я люблю дождь... но только летний, – он делал продолжительные паузы между репликами.

– Хм, а почему именно летний?

– Потому, что он... теплый... – слеза скатилась с одного глаза, но юноша продолжал говорить, даже не дернув голосом. – Когда мы выбирались, я мечтал только о теплой во-

де... А она была ледяная, и иногда казалось, что меня кто-то кусает, но я знал – в такой воде никого нет... Слишком уж она холодная для жизни... И это не укусы, а лезвия холода.

– Почему она была холодной, Гарри? – пристально наблюдая за мимикой лица пациента, спросил Фитцжеральд.

«На улице август, какая к черту холодная вода?»

– Потому что вода была мертвой...

Наконец, Фитч посмотрела на детектива. Потускневший взгляд с оттенком усталости и обреченности. Теперь с обеих глаз лились слезы, но выражения лица от этого не менялось. Полная отрешенность от внешнего мира. Именно таким Алекс представляют человека, точно знающего дату своей смерти.

– Гарри, я присяду к тебе поближе? – убедившись, что ни положительного, ни отрицательного ответа не последует он сел напротив подростка.

Звук барабанищих капель усилился, и стихия начала отражаться в стеклянном взгляде подростка. Фитцжеральд ладонями обнял его голову и, окунувшись в глубину взгляда опрашиваемого, отправился в поход по его рассудку. Если внешняя оболочка представляла тихую драму, то внутренний мир разума походил на громкий ужас.

«Раскрой мне свои тайны, Гарри!!! – он пытался докричаться до него. – Кроме тебя и меня никто не узнает о них, – стоя у решеток сознания пациента, детектив не мог пройти дальше без его разрешения. – Гарри покажи мне, где дверь?»

Юноша ходил вдоль стальных прутьев, не произнося ни звука.

– Послушай, – Фитцджеральд, находясь по другую сторону, не отставал от него, – я единственный кто может тебе помочь.

– Я в порядке, – безразлично сказал пациент. – Спасать других уже поздно.

Детектив схватил его за ворот и с видом свирепого зверя скомандовал:

– Покажи мне!

Юноша обдумывал – стоит ли посвящать незнакомого человека в свои кошмары. Пересилив себя, выдавил:

– Ну, пойдём, – словно бросая вызов, юноша провел его сквозь решетки.

Они будто летели в бездну, крича во все горло, с невероятной скоростью проваливаясь во мрак неизвестности. Страх смерти, страх боли, страх неясности... Всего лишь страх, а реальностью предстала твердой поверхностью, но ни боли от приземления, ни спада напряжения от полета не замечалось – полное отсутствие чувств.

– Проведи меня по реке, по которой ты убежал.

Подросток кивнул головой, и под ногами начала набираться талая вода.

– Гарри, ты мне сказал, что она была холодной.

– Мне так показалось... – он помедлил, напрягая воспоминание. – Может она была холодной из-за них?

На черной водяной глади подобно поплавкам всплывали трупы, заполняя всю поверхность. Тела были облачены в одну и ту же одежду: серые больничные халаты, точь в точь, что была на Гарри. Фитцджеральд переворачивал одного за другим покойников, но все они один в один были похожи на Фитча.

– Я не помню их лииииииииииц!!!!!!! – прокричав это, потусторонний мир каждой своей частицей, каждой своей тенью прекратил движение. – Детектив, Вы чувствуете?

Вода с мертвыми телами начала понижаться в температуре. Холод обжигал и схватывал судорогой ноги.

– Что дальше? – поинтересовался детектив, растирая ноги.

– Тихо... Вы слышите?

Казалось, разъяренный зверь попал в капкан и пытается выбраться из него.

– Кто это?

– Это он... Грустный человек... Он кого-то ищет... Но не может найти... Мы не те, кто ему нужен, но он нас не отпустит, ведь мы можем выдать его тайну... – жалостливым голосом он добавил. – Детектив, пойдете отсюда.

– Какую тайну, Гарри? – Алекс пытался выудить хоть какую-нибудь зацепку, но все что ответил подросток:

– Детектив, пойдете отсюда.

И вновь освещенная палата с рыжеволосой женщиной, недоумевающей для чего детектив, схватив голову подрост-

ка, пробыл в такой позе более пяти минут.

Когда Фитцджеральд покидал палату, Гарри взглянул на него, будто прощался с ним навсегда.

* * *

Он уезжал из «Ломпака» со смешанными чувствами. Не разгоняя автомобиля, а наслаждаясь просторами загорода. Как ни странно, но хотелось на большее время задержаться в крае янтарного света, так как дождь отступил, и сквозь трещины натянутых туч прорывались золотые локоны солнца. Из старого радиоприемника диктор цитировал нестарееющего «Макбета»:

*«...змею мы разрубили,
Но не убили, и куски срастутся,
Чтоб вновь грозить бессильной нашей злобе
Все тем же зубом. Нет, скорее связь
Вещей порвется, рухнут оба мира.
Чем есть я буду с трепетом свой хлеб
И ночью спать, дрожа от грез ужасных.
Нет, лучше быть в гробу, как тот, кто стал
Покойником, чтоб мы покой вкусили,
Чем безысходно корчиться на дыбе
Душевных мук. Дункан лежит в могиле
От лихорадки жизни отсыпаясь.
Измена сделала свое: ни сталь,*

*Ни яд, ни бунт, ни внешний враг отныне
Ему уже не страшны...»*

Фитцджеральд обожал английскую литературу: Уильям Шекспир, Лорд Альфред Теннисон и многие другие воспитывали его... Но истинное развитие его способностей и склада ума способствовала школа...

1994 год

... Как только седой учитель вошел в просторный класс, все ученики стали возле своих парт.

– Я рад приветствовать вас, – положив кожаный портфель на учительский стол, произнес мужчина.

– Здравствуйте, мистер Невил, – хоровым ответом приветствовали дети. Маленькие, похожие на отпрысков небесных людей, без грамма фальши и жестокости. Но каждый из них обладал своей особенностью: одни перемещали предметы силой мысли, другие перемножали в уме пятизначные цифры, иные рисовали картины и писали романы в возрасте пяти лет, последние показывали результаты взрослых спортсменов... Как их набирали – не известно никому. Мистера Синклера они видели лишь один раз, когда тот приходил к ним домой с предложением об обучении. Более этот доброжелательный мужчина в огромной шляпе и с золотыми наручными часами им не встречался. Зато такие учителя как мистер Невил, мистер Джонсон и миссис Пинкли плотно

вписались в жизнь детей, так как они вели предметы, отличающиеся от стандартных школьных уроков.

Ратиология – изучение разума. Мистер Невил вел данный предмет, а маленький Фитцджеральд впитывал его, так как он давался ему легче всех остальных...

– Разум – одна из форм сознания, самосознающий рассудок, направленный на самого себя и понятийное содержание своего знания, так говорили такие философы как Кант и Гегель, с ними вы познакомитесь более близко в старших классах, – сидя за своим столом, казалось, он проникал во взгляд и мысли каждого, пытаясь довести всю серьезность своего предмета. – Разум выражает себя в принципах, идеях и идеалах. Разум следует отличать от других форм сознания, к примеру, как созерцание, рассудок, само осознание и дух. Если рассудок, как мыслящее сознание направлено на мир и главным своим принципом принимает непротиворечивость знания, равенство себе в мышлении, то разум как рассудок, сознающий себя, соотносит не только разное содержание между собой, но и самого себя с этим содержанием. В силу этого, разум может удерживать противоречия. Такие способности как телепатия или телекинез можно тренировать и нарабатывать с помощью разума. К примеру, Мэрри, – обратился он девочке.

– Да, мистер Невил, – отозвалась светловолосая девочка, вставая из-за парты.

– Представь, коричневую вазу с белыми розами.

– Представила, – закрывая глаза, сказала девочка.

– Что ты к ней можешь добавить? – спросил учитель, мирно сложив руки на столе.

– На вазе может быть изображена птица... К примеру, аист, стоящий на одной ноге.

– Так... Принимается. Теперь каждый какой-либо мелочью насыщает эту картину.

– Ваза будет стоять на деревянном столе...

– Стол находится в комнате синего цвета...

– Свет в комнате блеклый и сероватый.

– Внутри вазы три розы...

– Я думаю довольно, – произнес в завершении мистер Невил. – То, что вы теперь изобразили – проекция вашего сознания. Кто-то ее должен завершить. Элен?

– Да, мистер Невил, – ответила голубоглазая девочка. Ее отличительной способностью стала феноменально точное изображение картины со слов людей, которые ее представляют.

– Изобрази получившуюся проекцию сознания. Персональное задание тебе до конца урока.

– Хорошо, мистер Невил, – взявшись за карандаш, она начала водить им по белоснежному листу, и было видно, как вырисовывались большие бутоны белых роз.

– По мере того, как мы добавляли уточнения к нашей мысленной картине, – начал объяснения несложного эксперимента седовласый мужчина, – проекция мыслей уточнялась,

вы все больше и точнее видели одно и то же. Все это благодаря заданной тематике, лишь долей и какими-то небольшими отклонениями, отличавшейся друг от друга одной и той же картины. Через годы тренировок и с помощью несложных упражнений я научу вас пользоваться вашим разумом, вы научитесь читать мысли и проникать в прошлое вашего собеседника. Единственное, что вам нужно сделать, чтобы проникнуть в его голову – это разрешение и заданная тематика. Тем самым вы научитесь помогать сумасшедшим находить истинный смысл их недуга, или помогать людям потерявшим память, если станете докторами, или сможете восстановить всю картину происшествия, спасая человека от несправедливости закона на судебных тяжбах, если решите посвятить себя профессии адвоката...

Не успел договорить учитель, как его прервала Элен:

– Мистер Невил, я закончила, – она продемонстрировала законченный рисунок, и весь класс был удивлен. Все до тонких мелочей, включая цвет карандашей, наклон белых растений, размер стола и расположение вазы, было точь в точь как все и представляли.

– Разум... Орудие человека, возможности которого мы используем лишь на один возможный процент, а оставшиеся девяносто девять процентов не изучены до сих пор...

Наши дни

Почему-то ему вспомнилась Элен. Удивительная особа, способная воспроизводить мысли на бумагу. Он помнил ее

скромной и тихой, с тяжелыми волосами и большими серыми глазами, в которых помимо чистоты и застенчивости не было ничего. Они были хорошими друзьями в школе, вспоминая ее реакцию на подарок в виде масляных красок, улыбка невольно всплыла на его лице: «Сейчас то она видная особа... Надо бы навестить подружку».

Он взглянул в зеркало заднего вида и страх сковал его: на кожаном сидении «Ford» сидело нечто в черном капюшоне и в плаще, будто сотканного из дыма только что подожженного костра, однако запах от него исходил явно не дыма, он вонял разлагающимся мясом, от чего тошнота подступила к горлу. Рукав черного существа без видимой кисти направлялось в сторону шеи детектива, но он не мог и пошевелиться. Единственные органы, не парализованные в его организме, оставались пальцы и глаза. Рука все ближе и ближе приближалась к шее детектива, сантиметр за сантиметром. Казалось, что достаточно одного прикосновения пассажира на заднем сидении и водитель рассыплется в пепел. Резко вывернув руль кончиками пальцев, машина вылетела за обочину и, развернувшись, прекратила ход. Организм был в порядке, Фитцджеральд сжимал и разжимал руки, крутил головой из стороны в сторону и на всякий случай взглянул на заднее сидение – там никого не было.

«Такое случается, – подумал про себя детектив, – вот они шутики с разумом. Бесконечные прочтения мыслей и блуждания по чужому разуму до добра не доводят – за все в этом ми-

ре нужно платить». Такое явление возникало и прежде: полный паралич, галлюцинация, страх. Именно такие симптомы после поиска истины в больном рассудке. «Нужно впредь после таких процедур передохнуть с полчаса и ни в коем случае не садиться за руль, – с подобными мыслями, страх и физическая беспомощность утекли в никуда. Он вновь был в силах продолжить путь, возвращаясь на прежнюю дорогу.

Въезжая в многомиллионный город с бесчисленными переплетениями человеческих жизней, автомобильных дорог и сетей интернета, он решил набрать номер человека, чья судьба его беспокоила все больше и больше в последнее время.

– Здравствуй, Сайман, – он ждал ответа, но голос на другом конце линии, не сразу начал общение.

– Да... Алекс, это ты? – отвечал заспанным голосом его брат.

– Кто еще может тебя разбудить в половину второго дня... Судя по пробке на Пятой Авеню, я буду у тебя минут через пятнадцать. Поставь, пожалуйста, чайник и сделай пару бутербродов.

– Хорошо... – сквозь сон сказал Сайман и положил трубку.

Смотря на строения города, перед тем как войти в многоэтажный дом, Алекс удивился в очередной раз: «И как только люди могут создать такое?»

Детектив в редкие отпуска старался больше путешествовать, но к своим годам ему так и не удалось выехать за преде-

лы континента. Однако Сан-Франциско со своими достопримечательностями вроде Ломбард Стрит, известной всем туристам улицей с многочисленными поворотами, Койт-Тауэром – башней расположенной на Телеграфном холме, самый знаменитый мост в мире Голден Гейт, переброшенный через одноименный пролив; Майами со своими знаменитыми клубами вроде: Мокаи, Вагабунд, Клуб 50, Амнезия; и Лос-Анджелес со своей знаменитой Аллеей славы, Китайским театром Граумана и, конечно же, Голливудом... Все эти прелестные места были внесены в коллекцию его фотоальбома.

Поднимаясь в лифте Фитцджеральд подумал: «Путешествие? Хм... Бедный Сайман... он путешествует в ад по три раза в день, но каждый раз это только убивает его».

Лифт остановился, и взгляду детектива предстал синий коридор с десятками одинаковых дверей с позолоченной нумерацией.

«Три стука, как обычно – этого вполне хватает, чтобы разбудить брата, в каком бы состоянии он не был». Комнату 1606 открыл близнец... Однако по внешнему виду он походил на ходячего мертвеца, и первым вопросом младшего из братьев было:

– Пил?

– Только скотч, – хриплым голосом ответил хозяин квартиры. – Не стой долго на пороге... Примета плохая.

Прихожая, кухня и зал были аккуратно убраны, и о скатившейся жизни старшего Фитцджеральда могли повество-

вать только опустошенные бутылки из-под виски, бренди, скотча и разбитое зеркало: «Как же он ненавидит зеркала». Мысли младшего сорвал вопрос Саймана:

– Опять расследуешь бредовое дело? – садясь за стол, на котором находилась тарелка с бутербродами, покрытыми колбасой и расплавленным сыром, и бокал горячего чая, отдающего ароматом зелени и бергамота.

– Да... Бредовое – это еще мягко сказано, – садясь за стол, ответил Алекс. – А твои дела, как погляжу, с каждым днем лучше не становятся.

– Ты же знаешь из-за чего...

– Это разве повод напиваться?

– Да, повод! – заявил Сайман. – Я вижу их страдания каждодневно... И если бы не я, то некоторые из твоих громких дел, так и остались бы нераскрытыми. Поэтому не зазнавайся...

Проводя ладонями по лицу, будто хотел умыться воздухом, он успокоился и спросил уже более мягким тоном:

– Хватит о моем состоянии... Лучше скажи – кто она? Как с ней познакомился?

Стоило переключить тему разговора, так как вспыльчивый Сайман мог внезапно начать ругаться, такой уж характер старшего брата. Да он и сам это понимал.

– Я познакомился с ней в метро, – отпивая чай, ответил Алекс.

– Настоящая романтика, – с иронией сказал брат. – А как

ее зовут?

– Милена... – и чуть тише добавил. – Надеюсь, она меня вынесет.

– Да ты-то нормальный парень, но вот твоя работа, плюс ко всему твои способности и учеба в Кремьонской школе... Могут много нервов вымотать твоим близким.

– Тебе бывало страшно? – заданный вопрос стер улыбку с лица старшего брата.

Сайман обладал редчайшей способностью далеко отличавшейся от телепатии и телекинеза – он мог погружаться в ад... Все дело в его глазах – в них и хранились врата в преисподнюю. Достаточно ему было взглянуть в зеркало, и он попадал в мир усопших, чьи души навечно были закованы в стены ужасающего места. Как же их там было много: худых – толстых, красивых – уродливых, умных – безграмотных, гениев и серых людей... Не прав тот, кто предполагает, что ад подобен реке из грешных душ, и совсем не правы те, кто отрицает его существование. Этот мир подобен бесконечной долине вечно убивающих друг друга существ, которые режут друг друга мечами, рубят топорам, душат голыми руками... Но кто бы не побеждал в этой бессмысленной битве, все равно оставался поверженным огненным смерчем Сатаны.

– Я вижу ад каждый день – мне не может быть страшно, брат... А тебе?

– Вокруг столько тайн и неизвестной нам силы, – оставляя недопитый бокал с чаем, детектив спросил. – Интересно, кто

это все контролирует?

– Кто бы не контролировал, все для него закончится одинаково – в бесконечной битве между такими же грешниками, как и он в долине смерти.

– Пессимистические рассуждения, – подвел черту Алекс.

– Нет, брат... Это реальность.

– Как все-таки думаешь – рай существует?

– Не знаю, я вижу только ад.

Глядя на состояние свое старшего брата, младший Фитцджеральд понимал, что преисподняя поглотила его жизнь и в этом мире. Поэтому Алекс навещал брата, как минимум раз в два дня, чтобы убедиться в адекватном состоянии Саймана. А тот, в свою очередь, получал заряд жизни от посетителя либо помогал ему в очередном детективном расследовании, подолгу выискивая убитую жертву среди бесчисленные душ, или приносил с того света очередную порцию историй от Наполеона, Гитлера, Цезаря, Распутина и прочих.

– Хотя, знаешь... – задумчиво произнес Сайман, наблюдая, как брат допивает чай. – Мне кажется, рай все-таки существует... Сколько я не скитался в поисках поэтов, к примеру, Байрона, Александра Пушкина, Эдгара По, Александра Дюма... Никого еще не находил.

– Может, тоже стать поэтом? – предложил младший брат. – В крайнем случае, точно не буду жариться в аду.

– Толку от Фитцджеральда поэта, гораздо меньше, чем от Фитцджеральда детектива. Поэтому не меняй сферу деятель-

ности, – на лице старшего брата вновь засияла улыбка. «Хороший знак», – подумал про себя Алекс. – Я помню, как ты пробовал писать эссе... С такими талантами тебя даже в ад не впустят. Это просто ужасно.

Глядя в свои глаза, он попадал в мир огня и мучений, но путешествуя по долине смерти, встречал тех или иных грешников, которые подсказывали, где в последний раз видели нужного ему человека. Ровно двадцать три минуты Сайману отводилось для нахождения мученика. Затем чудовище, воскресшее из пепла, издавало протяжный крик, во значащая о скорой гибели всех постояльцев, превращался в смерч и пламенной мощью сжигал все на своем пути, включая ни в чем невинного Саймана, который после смерти в аду воскресал в нашем мире. Все это сопровождалось треском разбившегося зеркала, головной болью и шрамом на душе. Практически все походы старшего Фитцджеральда заканчивались провалом в поиске, но пара детективных расследований все же были раскрыты по велению случая и удачи Саймана. Походы в преисподнюю для него были не такими уж и радужными, но стоило ему подольше задержать взгляд на своем отражении в зеркале, висящем в холле музея, посмотреть на солнцезащитные очки прохожего, на блеск серебряной посуды, как его тут же затягивало в кишаси просторы грешников.

– Знаешь, что я хочу сказать насчет ада? – они уже сидели в темной комнате зала и смотрели бейсбол по телевизору.

– Что? – поинтересовался младший, удобнее расположившись в кресле.

– Тот кошмар, куда я попадаю, это только одна из разновидностей мучений... На двадцать третьей минуте нахождения в преисподние один из узников мне признался: «Я только, что выбрался из другого ада, в котором был совсем один, казалось, вечность. Я бегал по пустому городу в полной темноте и так порядка двадцати лет не мог найти ни одной живой души»... Вот так он мне сказал.

– Может, он сумасшедший? – заключил Алекс, не отрываясь от телевизора.

– На том свете все становятся здоровыми и рассудительными... Человек с рождения слепой становится зрячим, безногий умеет ходить, глухой слышит, хотя раньше они даже представления не имели, как это ходить, видеть, слышать. Он точно не был психом, – Сайман развалился на своей кровати, абсолютно не вникая в действия, происходящие на бейсбольном поле. Он лежал напротив небольшого телевизора, в то время пока на удобном кожаном кресле расположился его младший брат, перечитывающий сводки новостей в «Нью-Йорк Таймсе».

– Сегодня ко мне пришла женщина, которая утверждала, что ее супруг, погибший порядка трех лет назад, до сих пор шлет ей письма с того света...

– Может, он не умер, – не задумываясь, предположил Сайман. – А что? Часто такое бывает, что хоронят не того...

Ты что не смотрел мафиозные боевики? Супруг с мулатками оттягивается на берегу Мексиканского залива, пока супруга льет по нему слезы... А написать решил, потому что она вредничала и пилила при их совместной жизни.

– А смысл?

– Нууууу, – протянул старший. – Не знаю, может, хотел довести до инфаркта бедняжку.

– Тут другое, – отложив газеты, Алекс уставился в экран. – Они прожили вдвоем практически всю жизнь. Возможно, вместе воспитывали ребенка, который их позабыл и переехал в другой город, возможно, вместе они выбирали район, в котором будут присматривать себе дом, возможно, делали в нем ремонт и обсуждали планы на будущее, возможно, она варила ему кофе по утрам, а он в свою очередь выращивал для нее отдельный куст алых роз... Возможно, какие-нибудь чувства способны вернуть человека из того света...

Не успел он договорить, как Сайман, нагло усмехнувшись, ответил:

– Ерунда. С того света еще никто не возвращался. Я понял, что ты имеешь в виду, но помимо любви есть чувства куда сильнее, к примеру, месть. Сколько убитых жертв, с кем я имел честь разговаривать, говорили мне, что обменяли бы еще вечность страданий ради пятиминутной возможности отомстить обидчику, убившему их или тронувшего их близкого когда-то при жизни... Как-то мне изливал душу мужчина-семьянин, в дом которого проникли грабители. Они его

сначала оглушили, затем, связав, заставили наблюдать, как насиluent его красавицу-жену и малолетнюю дочь самыми изощренными методами, а после всего их медленно резали на его глазах... Он был готов остаться проклятым навечно, страдать в пламени преисподние бесчисленность лет, лишь бы ему дали пару минут для беспредела над этими подонками или хотя бы чуть ослабили веревки, возвращая в тот трагический день... Но все четко. Кто умер, тому нет пути назад, брат.

Между ними зародилось молчание, и они наблюдали, как отбитый мяч на телеэкране летел в сторону трибун, не собираясь касаться земли.

– Может, это даже к лучшему, – сказал младший брат.

– Определенно, – подвел черту старший. – Конец должен быть всему.

Тусклые лучи за окном едва проникали в квартиру, но блеском золота напоминали, что еще не вечер и самое время позвонить и назначить свидание Милене. Учитывая педантичность, дисциплинированность и математическую точность практически во всем, Милена все же сбивала его своей непунктуальностью и манерой свободного проведения времени. Поначалу Фитцджеральда это раздражало, затем он пытался определить закономерность временного промежутка опоздания данной леди, но затем прояснил: «Симпатичные особы – вонне законов науки и математики конкретно». Бывало и такое, что и он опаздывал на свидание. Милена вно-

сила в жизнь Алекса каплю сумасбродства, каплю отрешенности от правил, каплю нервозности и целый океан любви. Услышав от брата столь дикие истории, ему сделалось дурно.

– Сайман, я, наверное, пойду, – вставая из кресла, сказал он. Старший брат последовал его примеру и направился провожать младшего.

– Заходи почаще... Ты же знаешь – мои двери всегда для тебя открыты.

– Непременно, – сходу схватив бутылку скотча с комода, стоящего у входной двери, он выбросил ее в мусорное ведро. – Не сильно увлекайся напитками – можешь уплыть в мир иной.

Брат печально улыбнулся, закрывая дверь. И вновь синий коридор с чередой позолоченных номерков, спуск с пятнадцатого этажа и снова Нью-Йорк под золотым дымом воскрешающегося дня.

* * *

В ней была именно та красота, что заставляет трепетать сердце, вспоминая детские сказки о магии и волшебстве. Глаза, наполненные картиной тайны и необъятности:

«Нельзя же рассмотреть все небо? Так волшебство и голубизна ее взгляда – один необъяснимый светлый небосвод».

Нельзя угадать какой тон одежды ей более к лицу – она всегда экспериментировала, вечно в поиске нужного оттенка

платья, но тонкая шея и верхняя часть груди всегда была на обозрении.

«Возможно, она одевалась так, только собираясь ко мне на свидание... Хотя вряд ли – скорее всего это атрибут ее стиля... Дайте вспомнить: когда я впервые с ней столкнулся – это было на станции метро – она предстала передо мной в черной кожаной куртке, в черных джинсах с россыпями бисера на заднем кармане (забавно – эти россыпи запомнились мне сильнее всего). Возможно, ее улыбка и эти стекляшки были единственными светлыми аксессуарами в ней... Вы знаете, мимолетный взгляд или невинно брошенная реплика могут сильнее задеть сердце, чем все бесконечные поэтические признания или внешность, подобная небесным существам из божественного мира. Как бы не звучало феноменально, но иногда красота отталкивает, а простота притягивает. Находясь с прекрасным – начинаешь чувствовать себя неуютно, а низкая самооценка, только редким дает стимул к совершенствованию, в основном приводя к упадку в настроении и ценностям в жизни... Когда я пригласил ее на первое свидание, она пришла в белоснежном платье. Светлую кожу и черные волосы осветляли ее большие лазурные глаза и это платье. Вообще брюнетка с голубыми глазами – редкость. Что-то из ряда творений природы, когда она решила переступить законы и создать нечто отрешенное от порядка и обыденности. Это все равно, что создать, цветок распускающийся зимой или напустить пожар на Северный ледови-

тый океан, или родить птицу внутри Атлантиды... Милена была как раз из этой серии. На первом свидании она напомнила моему сердцу, что оно существует не только для обеспечения передвижения крови, но и для страдания от ревности, для боязни потери близкого и, конечно же, для любви... Вечер был летний, с красками бирюзового и салатового, ресторан отдавал цветами медового и янтарного, а воспоминания об этом вечер остались светлыми. Наше третье свидание прошло в обстановке отрешенности от всего сложного и элегантного. Впервые мы поцеловались именно в этот вечер. Я не знаток любовных походов и не знаю считать ли третье свидание быстрым для первого поцелуя или слишком затянутым, но так получилось. Она была одета в спортивный костюм с капюшоном черного цвета, наверное, чтобы не выделяться в ночи, и мы уселись на крышу. На небе повисла бледная луна, в округе бродила яркая темнота. Пусть наш дом и не был самым высоким, но чувство приближенности к небосводу в отличие от жителей снизу сохранялось. С ней я чувствовал себя уверенным в любых безумных действиях, даже рассказывая легенды о звездах, даже дожидаясь дождя, даже целуясь под водяным занавесом, даже танцуя на мокром асфальте...»

Порой нужно просто увидеться... чтобы понять, что любишь... вернуть прошлые чувства... загладить вину или наоборот – простить... Ни мобильный телефон, ни социальные сети, ни вещие сны не могли сравниться с реальным взгля-

дом. Алекс порядка недели не мог встретиться с Миленой, но, откладывая свидание на каждый последующий день, приумножало желание встречи. Сегодня чаша переполнилась, и без взгляда небесных глаз он не мог бы уснуть.

– Привет, Милена, – он стоял в пробке, щурясь от слепящего после дождя небосвода, и крепко сжимал трубку сенсорного телефона.

– Алекс? – как девушка не пыталась скрыть радость от долгожданного звонка, так это ей и не удалось. – Надеюсь, ты звонишь, чтобы назначить мне свидание?

– Я очень хочу с тобой увидеться...

– Но...

– Что «но»? – переспросил он.

– Тут ты должен был поставить частицу «но» и уже придумать какую-нибудь красивую историю.

– Ты права... – Алекс вновь замялся, думая: «А что меня останавливает? И зачем я должен придумывать отговорки, если я и впрямь хочу с ней встретиться?» – Но я не могу выбрать ресторан, куда могу пригласить тебя...

– Алекс! – вскрикнула она. – Если это единственная причина, почему мы не виделись целую неделю, то я в обиде на тебя! Знаешь что!?!.. Хочу свидание в пиццерии на Халл стрит!

– О, нет, – взмолился детектив. – Дорогая, это криминальный район «Железнодорожных банд». Ты даже не представляешь, сколько у меня было расследований по убийствам и

изнасилованиям именно в этом районе. Предлагаю «Лазурную ночь» или «Золотой замок».

– Нет! – отрезала девушка. – Никаких ресторанов, хочу в дешевую пиццерию. Если тебе не безразлична моя жизнь или честь, то постарайся приехать туда раньше убийц и насильников и встретить меня!

– С твоим характером... – но детектив не продолжил.

– Что с ним не так? Ну, давай... Договаривай.

– Через час жду тебя в пиццерии на Халл стрит.

– Отлично, дорогой, – уже более нежно и спокойно с удовлетворенной улыбкой, произнесла собеседница, причем улыбку можно было почувствовать даже через телефонную связь. – Пока закажу такси и одену самое открытое платье.

– Нет!

– Ладно, шучу, – с усмешкой добавила девушка. – Просто закажу такси... Люблю тебя.

Она положила трубку, и он произнес:

– И я тебя.

Свежесть дождя пьянила, а лучи, разбросанные по всему небосводу, будто прошли процесс омовения. Светлые, ясные, слепящие, чистые бились о стекла небоскребов, падали на зеркала и лобовые стекла сотен автомобилей различных марок, отражались во взглядах беззаботных прохожих и вновь растворялись в еще незанятом пространстве. Сворачивая в сторону трущоб, его виду сразу пристала одноэтажная пиццерия, где и впрямь делали отменную итальянскую

пиццу, причем не в электрической печи, а как полагается на огне из натуральных дров. Это небольшое сооружение было подобно границе между продвинутыми, многоэтажными и богатыми владениями и между одноэтажными небольшими домами, где жили либо отъявленные трудяги, либо обиженные маньяки. На пересечение двух различных цивилизаций и приходилось больше всего преступлений. Бедные грабили богатых, разбивали автомобили приезжих, сливали из них топливо, дрались между собой... Здесь... Именно здесь – недалеко от своего дома, но и не на его пороге, не на территории неизвестной им и не там, где их могли бы опознать. Спросите любого вора, где он совершает кражи, и он Вам ответит: «Не там, где я живу, но и не там, где бы я не смог скрыться».

Пиццерия находилась под железнодорожной веткой метро, но внутри кроме итальянских реплик и творений мировых классиков, изливающих свои шедевры через современные колонки, ничего слышно не было. Никто не знал секрета шумовой изоляции кроме владельца пиццерии. Не столь дорогое заведение было уютно обставлено вишневыми кожаными диванчиками и коричневыми столами. Открывая стеклянную дверь, перво-наперво вас встречает хозяин пиццерии и кассирша, которые в один голос приветствуют любого посетителя, неважно кто он: состоятельный дипломат, швея из ткацкой фабрики, полицейский или член местной группировки головорезов. За всю историю существования данно-

го заведения в нем ни разу не совершались погромы, драки или прочие хулиганства. Возможно это все из-за уважения к добродушному хозяину итальянцу, который всех встречал с улыбкой на лице, а провожал словами: «Будем рады снова видеть Вас».

Детектив, был известен в районе «Железнодорожных банд» расследуя очередное преступление, неоднократно за-хаживал и в пиццерию.

Оставив «Ford» на парковке рядом с двумя мотоциклами «Harley Davidson» и одним семейным «Fiat», детектив зашел в заведение.

– Ооооо, мистер Фитцджеральд! – приветствовал его полный мужчина со смуглой кожей и густыми усами. – Рад видеть Вас в моем заведении. Вы к нам только перекусить или плотно поужинать? Леонардо все устроит.

– А Вы еще меня помните, Леонардо? – удивился Алекс.

– Конечно! – добродушная улыбка не спадала с лица хозяина. – Это Вы сейчас знаменитый детектив, расследующий громкие преступления, а я-то Вас помню начинающим. При-чем начинали расследование Вы как раз с кусков Флоренции и Милано вооооон за тем столом, – он указал за последний стол у окна.

На секунду Фитцджеральд вспомнил себя, совсем еще юн-ца, только окончившего полицейскую академию и на первые же дела попавшего в эти трущобы. Молодой Фитцджеральд сидел на противоположной стороне зала и уплетал горящую

пиццу кусок за куском, запивая ее черным чаем. За окном хлестал дождь, под который он успел попасть, а в пиццерии, как всегда из-за частых молний, отключили электричество, но помещение освещал огонь печи, хоть и не физически, но согревавший взгляд и душу.

– Мистер Фитцджеральд, – обращение Леонардо привело его в чувство.

– Да... – как-то невнятно ответил детектив.

– Ушли в воспоминание? Это нормально, – понимающе подбодрил его итальянец и, указывая на приехавшее такси за окном, спросил. – Случаем сеньорита в зеленом приехала не к Вам?

– С чего Вы взяли? – «как этот итальянец может знать про Милену? Про мою личную жизнь уж точно в газетах не говорилось...»

– Дедуктивный метод, как у мистера Шерлока Хомса. Она целенаправленно приехала именно в мое заведение, одета как минимум для последующей прогулки, и из всех присутствующих, точнее двух байкеров, уже сложившейся семейной пары и одной старой синьоры, которая каждый вечер заходит в пиццерию ровно 19:45 и заказывает два куса Марио, Вы единственный кто идеально ей подходит.

– Благодарю, Леонардо, – детектив снял шляпу в знак почтения его рассуждениям и в знак приветствия зашедшей девушки. – Ты прекрасна...

Он замолчал, наслаждаясь картиной идеальной девушки,

черные как земля волосы, с которых тянулась изумрудной лозой заколка в виде белоснежной лилии, зеленая кофточка из шерсти, под которой была черная футболка, подчеркивающая формы второго размера, синие джинсы и кожаные сапожки на ногах. Алекс сглотнул слюну...

«Боже мой, чтобы она не одевала, она разбивает мое сердце... и это происходит изо дня в день... Черт... Клянусь, больше чем на три дня я не затяну наше расставание... А теперь нужно взять себя в руки».

– Ты тоже прекрасно выглядишь, красавчик, – она остановилась в полуметре от него, вглядываясь в глубину его глаз. – Алекс, что с тобой?

– Ничего... Ты просто сводишь меня с ума, а все остальное в принципе нормально.

– Э... Эм... – хозяин заведения все-таки решил вступить в разговор. – Мистер Фитцджеральд, позвольте мне распорядиться что Вам и Вашей прекрасной сеньорите выбрать для чудесного вечера. Обещаю Вам – все будет так изыскано, что пальчики оближите.

– Да, Леонардо, премного благодарен, – не сводя взгляда с магии лазурных глаз, согласился детектив. – Будьте добры за тот же стол, где я ужинал постоянно.

– Непременно, – и он удалился к поварам, что-то выкрикивая по-итальянски.

Рука об руку они прошли за последний стол. Огромные окна выходили на парковку и на вид далекого города, пугаю-

щего своими размерами зданий и скрывающего за бетонными сооружениями солнце.

«Она – отколовшийся осколок рая. Лазурность самых нежных волн океанов, самого чистого неба над святыми землями не становилась в сравнение с ее голубым взглядом. Кажалось, что она даже ест не как смертные...» Девушка, и впрямь разрезала свой кусок пиццы и, смешав их предварительно, начал есть в хаотичном порядке.

– Что? – поинтересовалась голубоглазая брюнетка, поняв, что детектив теряется в пространстве и во времени. – Что-то не так?

– Все в порядке, – наконец, обратив внимание и на свою тарелку, сказал детектив.

Куски свежесдобитой пиццы отдавали теплотой приготовления, жаром печи и нагоняли еще больше аппетита.

– Отличное Асоломио, – призналась девушка. – Я пробовала в пиццерии на Сильвер стрит, но там явно экономят на ингредиентах, а здесь салями добавлены на славу.

Она даже разговаривает как-то по-другому, вся отрешенность от стандартов делала ее эксклюзивной. В каких бы условиях не оказалась эта девушка, включая выживание на необитаемом острове, участие в конкурсе «Мисс Вселенная», попадая в список подозреваемых по делу об убийстве – она все равно будет самой запоминающейся, самой яркой, самой заметной.

«Потому что она не от мира сего», – подумал детектив.

В действительности Милена была вполне обычной девушкой, работающей вполне на земной профессии – стилистом. Обожала белые лилии и дождь. К своим двадцати трем годам была счастлива в большей степени из-за творческой профессии и из-за человека, ворвавшегося в ее жизнь. Но свои чувства к детективу голубоглазая раскрывать не собиралась.

– Как на работе, Алекс?

– Интересное дело вырисовывается. Смотрела сегодня новости?

– Угу, – отпивая малинового чая, сказала девушка.

– Им занимаюсь я, – наконец, взявшись за вилку, он начал трапезу.

– Я не сильно углублялась в подробности... Что там произошло?

– Четыре подростка с полной амнезией, без одежды и в крови вошли в центр Нью-Йорка. Они были напуганы, абсолютно ничего не помнили и были настолько истощены, что до сих пор не все пришли в сознание.

– Ужас какой... Ты уже опросил их?

– Успел только одного...

– И что он сказал?

– Отрывки воспоминаний: холодная вода, труба по которой они шли, скорее всего, их держали в какой-то канаве... Если амнезия не пройдет, то вполне сложное дело. Ну, да ладно... Как твои дела?

– Скучала, – как-то по обыденному произнесла девушка,

смотря исключительно на свою тарелку.

– Я тоже... – тихо добавил Фитцджеральд.

– Да не по тебе, красавчик, – усмехнулась Милена. – Скучала по дождю.

– Я про дождь и имел в виду... Опять ехать на мойку, – взглянув через окно на потрепанный от осадка «Ford», сказал детектив, как ни в чем не бывало.

Леонардо лично преподнес гранатовое вино с пожеланиями приятного вечера.

– Ты знаешь владельца пиццерии? – удивилась девушка. – Мне спонтанно пришло в голову сменить богатые рестораны на что-то более простенькое.

– Леонардо я знаю, – откупоривая деревянную пробку с рубиновой бутылки, сказал парень. – Оканчивая полицейскую академию, выпускников распределяют по различным районам и городам. Если у тебя имеются связи или ты просто родился во влиятельной семье, то шанс оказаться ближе к Вашингтону у тебя возрастает, а если нет, то здравствуйте криминальные трущобы Нью-Йорка. В этот район я попал в первые годы нахождения в полиции. Меня никогда не интересовали мелкие разбои, хулиганства, поджоги. Но чтобы досрочно получить лицензию частного детектива мне пришлось заниматься всем подряд. Расследуя дела района «Железнодорожных банд» я приобрел и опыт, и лицензию, и знакомых...

О том, что Дельфин – главарь «Железнодорожных банд»

являлся личным должником детективу, прикрывшему его от одного скользкого дела, по обвинению в котором главарь мог отправиться за решетку на долгий срок, он все же промолчал.

– А эта пиццерия с доброжелательным владельцем была постоянным местом быстрого завтрака, обеда и ужина...

– Какие же преступления в таком случае тебя интересуют?

– Серийные убийства, обряды жертвоприношений, ритуальные преступления...

– Все те дела, которые могут принести славу, – холодно подчеркнула девушка.

– Проще сказать – интересные преступления под грифом «особо опасные».

– Кто бы сомневался.

Между ними воцарилось молчание. Разговор двух байкеров о выборе маршрута, скрежет металлического ножа о стекло тарелки и глухой звук приближающегося метро заполнил пустоту молчания.

– Ты чем-то расстроена? – поинтересовался детектив, глядя на девушку.

– Мы с тобой встречаемся порядка месяца... – Милена пыталась как-то вскользь высказать свое негодование, но получился вопрос в лоб. – А ты ни разу не позвонил мне первым... Я тебе нравлюсь?

Парень на мгновение застыл, но, подумав, добавил:

– Очень, – их взгляды встретились и растворились друг

в друге. Сказанное «очень» было чуть слышным, но в нем было все то, что хотела услышать она.

– Я тебе очень нравлюсь, но профессия детектива для тебя номер один... Что даст тебе очередное раскрытое дело?

– Превыше всего для меня... – в этот момент Фитцджеральд хотел сказать о состоянии брата, о чувствах к ней и чтобы не лукавить о работе, но добавил. – Ничего не могу тебе ответить... А раскрытое дело придаст мне статус.

– А он тебе нужен?

– Без сомнений, – не колеблясь, ответил парень.

«Что же он за человек? – спросила про себя Милена. – Педантичный, спокойный, думает только о карьере, всегда аккуратно выглаженная рубашка и галстук, одевается как мафиози со времен сухого закона, но в то время и детективы так же одевались. Странно, что он рассказал о знакомстве с хозяином пиццерии, ведь я не знаю ни одного из его друзей. И вообще странно, что он завел беседу о своем прошлом. Я не знаю о нем абсолютно ничего, не считая газетных статей о раскрытых преступлениях, но все же... Все же мне хочется ему доверять... Наверное, многие девушки, перешагнув двадцатипятилетний барьер, хотят надежного мужчину. Без любви, без страсти, просто, чтобы был. Со стабильной работой и зарплатой, способный воспитать детей и защитить семью от любой напасти. Но Алекс все выше перечисленное с частицей романтики в глубине души. Второе свидание, когда мы были на крыше многоэтажного здания, он держал ме-

ня ни как мужчина полицейский, прошедший учебную академию, работавший в криминальных районах одного из самых крупных городов на планете. Он держал меня дрожащими руками, будто я из хрусталя и при небрежном обращении способной рассыпаться без надежды на восстановление. Девушка, способная затронуть холодное сердце, вправе считаться любимой... Хотя до встречи с ним попадались одни подобия мужчин, не доросшие до Алекса ни умом, ни действиями, ни чувствами. Даже в многомиллионном городе можно быть одинокой, как бы странно это не звучало».

Мысли подобно стае голубей клюющих крошки хлеба на автостоянке разлетелись, как только дюжина спортивных автомобилей и мотоциклом подъехала к зданию. На их капотах были изображены китайские иероглифы, яростные лица диких животных и птиц, карты и кости, оружие и прочее, что хоть как-то касалось жизненных основ данной молодежи. Крепкие, наглые, с серьезными лицами, именно такие чаще всего транжирят свои амбиции, вбегая в пекло, хотя продвигаясь к цели иными путями, они могли бы достичь большего. Из черного «Dodge Challenger» вышел накаченный парень лет тридцати, каждая жилка в его мускулистом теле была наполнена грозностью. Брюнет с обсидиановыми глазами был одет в кожаную безрукавку, в кожаные штаны и берцы. С его ростом без проблем можно было попасть в одну из команд Национальной Баскетбольной Ассоциации, но он выбрал другую судьбу.

– Тебе страшно? – спокойным тоном спросил Фитцджеральд, нарезая пищу.

– Не очень, – растерянным голосом ответила девушка, наблюдая за толпой головорезов.

– Они все ко мне, – не сбавляя спокойствия, сказал детектив.

– А вот теперь страшно, – чувства девушки слышались в голосе.

Вошедшую толпу, как всегда приветствовал хозяин заведения, на что накаченный главарь, похлопав его по плечу, направился в противоположную сторону здания. По мере приближения толпа рассаживалась по свободным столикам и, дойдя до него, главарь остался один. Сев напротив Алекса, он невольно заставил отодвинуться Милену, после чего она будто окаменела и не издала ни единого звука до тех пор, пока этот гигант не ушел.

– Добрый вечер, детектив, – положив огромные руки на стол, он бессознательно продемонстрировал татуировку черного дельфина на плече.

– Здравствуйте, Линч.

Как только Алекс поздоровался с ним, в голове всплыло досье на человека, севшего напротив.

«Финеган Линч по прозвищу Дельфин. Родился в Нью-Йорке в 1982 году. Окончил среднюю школу на Булвер стрит. В школьные годы отличался спортивной активностью в двух видах спорта: американский футбол и баскетбол. Ли-

дерские качества Финегана проявлялись в любом коллективе, куда бы он не попал. С 2005 года является главарем «Железнодорожной банды», на счету которой немало преступлений, однако Финеган ни разу не попадался в руки властям по прямым обвинениям».

Детектив хоть и был младше Финегана, но главарь говорил с ним на Вы.

– Я к Вам по делу...

– Резкое начало, – отодвигая тарелку и складывая приборы на салфетку, подметил Алекс. – Обычно спрашивают как дела? Как выходные? Что нового в жизни?

– Мистер Фитцжеральд, Вы же меня знаете. Я не сторонник подобного дерьма. Суть в том, что у моего близкого друга пропал младший брат, хотелось бы, что бы конкретно Вы занялись этим делом.

– Пропажи – это не мое... Почему бы ему просто не обратиться в полицию?

– Потому что того требует уличный закон – обращение в полицию ни к чему не приведет, во вторых Вы уже начали заниматься этим делом. Четыре подростка, которых показывали по телевизору, учились в одной школе вместе с братом моего друга.

Детектив заинтересовала данная информация. Потянувшись во внутренний карман плаща, он вынул записную книжку.

– Как зовут брата твоего друга?

– Адам Джонс – возраст тринадцать лет. Афроамериканец.

– Когда он пропал? И в какой школе он учился?

– Две недели назад. Учился в Мавританской школе на Булвер срит, где и все мы.

Детектив строчил гелиевой ручкой по белоснежному блокноту.

– А кого ты знаешь из этой четверки, ну, которых показывали в новостях?

– Всех. Они проживают в наших районах.

«Опять трущобы, – подумал про себя Фитцежаральд. – Ну почему преступления, не могут совершаться на Уолл-Стрит?»

– Гарри Фитч из ирландской семьи. Заторможенный малый. Мишель Невё – ее родители живут на Гарлем стрит, как и родители Дэмпси и Курта. Последних двоих мы присматривали для своей банды.

– Почему ты обратился именно ко мне? – закрывая блокнот, спросил детектив.

– Потому что Вы профессионал и единственный по ту сторону закону, кому я могу доверять... Найдете Адама Джонса – получите десять тысяч долларов.

– Лучше подумай о продаже «Challenger», – с улыбкой добавил детектив.

Они смотрели друг на друга. Каждому было, что сказать другому, но все ответы на несказанные вопросы они остави-

ли в своих мыслях. Дельфин поднялся из-за стола:

– Хм... Я подумаю... И еще одно, – его массивная фигура загородила все пространство обзора. – Вы слышали про «Кровавых псов»?

– Да. Банда, контролирующая соседние кварталы.

– Точно. Проходил слух, что они занимаются жертвоприношениями. Прямо как в детских страшилках: в большом городе, в кровавом районе есть серое здание, в темном подвале которого рубят на куски детей.

У Милены мурашки пробежались по коже.

– Так вот, детектив, мы не знаем где это логово, да и Вы знаете, чем может закончиться шараханье по чужим районам в поисках кроличьей норы.

– Войной, – ответил Фитцджеральд, вновь внося в блокнот информацию.

– Копам с ордером будет легче проникнуть туда, чем «железнодорожным».

Алекс знал, как Дельфин относится к своему окружению. Добиться его уважения было не просто, но попав в список избранных, главарь мог выложить крупную сумму и свое влияние ради подопечного. Поэтому потасовки и мелки стачки на границе районов – это одно, а вот война между группировками – это бессмысленные убийства и смерти, чего сторонился Дельфин.

– Мистер Фитцджеральд, я на том же номере телефона. При положительных или отрицательных продвижения поис-

ках – звоните. Вы же знаете – доброту я не забываю.

С этими словами груды мышц и загорелого тела направились, а за ним и вся его свора. Милена выдохнула.

– И часто у тебя такие заказы? – поинтересовалась девушка, находясь все еще под впечатлением.

– Не редкость, – вновь приступив к поеданию итальянской выпечки, без грамма эмоционального изменения, ответил парень. – Хотя эта банда и выглядит грозно – в действительности они славные парни. Помогают друг другу в беде, не ссылаясь на финансовую беспомощность, защищают друг друга и физически, если того потребует ситуация, могут и прикрыть и от летящей пули. Цивилизованность – это уединение. Вспомни древние времена и сравни их с наставшими временами. Первобытно общинный строй подразумевал жизнь в обществе, в коллективе. Вместе собирая урожай, вылавливая рыбу, охотясь на диких животных, они жили под одной крышей, вместе боролись стихией и придумывали, как упростить жизнь общины. Сравнивая с нынешними временами – у нас все отдельное. Мы огородились друг от друга континентами, затем странами, чуть позже придумали расы и национальности. Внутри разделенных городов, у каждого есть свой дом или квартира с толстыми стенами, чтобы процесс уединения был и моральным и физическим. Напичкивая это отдельное жилье ненужным хламом, вроде фарфоровых изделий, безвкусных картин, редких предметов нумизматики и филателии или дорогой техникой, которая исполь-

зуются раз в месяц или вовсе стоит без надобности, лишь занимая место. Эти современные люди ни разу не задумаются о других, чье здоровье или бедность или сиротская судьба ждет помощи. Идеальный современный человек новой цивилизации – одинок. Он окружен удобствами, развлечениями, но его друзей можно счесть по пальцам одной руки. И даже эти в кавычках друзья лишь шаблон коллеги, кто помогает выполнять однообразную работу, либо друзья на уикенд. Играя в выходные в бейсбол, они не знают о личной жизни друг друга абсолютно ничего. Если данный цивилизованный человек хоть на минуту отвлечется от зарабатывания денег или от кропотливой работы, а порой это совсем разные вещи, то он сойдет с ума от того, какая у него жалкая жизнь.

– Что же ты предлагаешь? – отпивая горячего чая, спросила девушка.

– Я не реформатор, и уж тем более не революционер, если брать философские концепции, то я в большей степени отношусь к пессимистам. Но я хотел сказать то, что у класса выше всегда есть чему поучиться у низов.

Милена положила руку на вишневую салфетку и наблюдала за покидающими парковку автомобилями и мотоциклами. Солнечная фата ровным слоем покрывала ее лицо. Он пытался угадать ее мысли, но тщетно. В действительности даже смотря в никуда, она думала о нем. «Он не дернул и нервом перед этой шайкой головорезов. Я конечно слышала про полицейскую закалку перед лицом опасности, однако в

его юном возрасте все же чувство самосохранения должно оставаться».

Парень, заметив отвлеченность девушки от ужина, спросил:

– Ты не хочешь пройтись?

– Будешь показывать где, как и какой преступник был убит?

– Мне всегда нравилось твое чувство юмора, – с улыбкой на лице подметил Алекс.

При выходе из пиццерии в знак благодарности детектив кивнул головой, взявшись за край шляпы, хозяину заведения, от чего Леонардо проводил его извечной репликой доброжелательных хозяев:

– Всегда Вам рады, мистер Фитцджеральд. Ждем Вас с обворожительной сеньоритой снова.

– Непременно, Леонардо. Всего доброго.

Свежий, после дождевой воздух наполнил их легкие. Алекс, взглянув на серебристый «Ford», прошел мимо – изумительная погода приглашала на прогулку. Панорама района «Железнодорожных банд» затягивала, будто красноречивый сказочник манил за собой в страну неизведанного, чего-то необычного и нового. Причем рассказчик спешил в эту придуманную фантазию, лишь изредка останавливаясь, дабы его слушатели поспевали за ним. Он просил обращать внимание на все то, что не было где-то в центре. Все самое интересное скрыто на окраинах. Здесь неба было гораздо больше, выйдя

к пирсу черного Гудзона, казалось, ночной Нью-Йорк в воде и дневной Нью-Йорк на берегу борются друг против друга... Однако, Алекс взглянул на наручные часы и понял, что до победы ночи осталось не так уж и много времени.

– Ты куда-то спешишь? – поинтересовалась девушка, заметив это.

– В полночь я превращаюсь в вампира.

– Вампиры приобретают силу после захода солнца, в полночь превращаются только оборотни, так что ввести меня в заблуждение не получится. А теперь отвечай – кто она?

По интонации не было понятно, что девушка шутит, но Алекс уже привык ее сарказму и без труда определял – обиделась она, злиться ли девушка, какое у нее настроение.

– Она? – задумался детектив. – Она одновременно свежий глоток воздуха, но в тоже время пламенный кислород, обжигающий грудь, она милая девушка с вредным характером, она ночное солнце или дневная луна, она брюнетка с небесными глазами. В общем, она – это ты.

Девушка чуть улыбнулась, глядя на вечернюю дорогу. Янтарные лучи практически скрылись, оставив лишь чувство света и тепла. Поднимая голову вверх, отдыхающий от палитры цветов взгляд, сползая, наблюдал за мрачнейшим пиком, с появляющимися первыми звездами. Спускаясь ниже, черные тона, приобретали синеватый оттенок, фиолетовый, а затем ярко-розовый.

Узкая асфальтовая дорожка привела нашу пару к рядам

одноэтажных домов, повернутых окнами в сторону Гудзона, Бруклинского моста, на нависшие над рекой громоздкие строения на редкие теплоходы, проводящие экскурсии для бессонных жителей. Жители же этих домов возможно из-за свежего воздуха или по привычке сложившихся вечерних традиций уселись перед своими домами, наблюдая с окраин за ночным Нью-Йорком и, особенно, за чернеющим Гудзоном. Кто-то, качаясь на качелях, рассказывал юной соседке молодежные байки про местный клуб, кто-то делился воспоминаниями ушедших лет со своей супругой, кто-то с друзьями потягивал пиво, параллельно рассказывая об игре «Нью-Йорк Никс» и о новой работе в порту. Но никто не заметил Милену и Алекса, наблюдателей жизненной картины. Они будто шли по кинотеатру, а кадры шли независимо от них, один дом сменялся другим. Уютные здания с ухоженными клумбами, калитки из плетеной стали, окна, с покрашенными рамами, и с вишневой крышей, покрытой черепицей. От одного здания переходили на соседские дома из серого материала, отдающего бедностью, безысходностью, с поломанными лавками с облупившейся желто-молочной краской. Аккуратные четырехугольные дома стояли в один ряд вдоль всей набережной.

– Тишина, – лишь одно слово выдохнула Милена.

– Порой она пугает, – подметил спутник.

– Иногда ее не хватает... Скрежет метро, сигналы автомобилей в пробке, грохот разрушающегося здания, попавшего

под снос, крики миллионов людей, разговаривающих друг с другом по телефону... В один миг все это может объединиться и свести с ума самый здравый рассудок.

– Нужно остановиться от бегущей жизни и просто сосредоточиться на одном из звуков, – на его лице всплыла улыбка, от пришедшей на память забавной истории. – Газета «Вашингтон Пост» выпустила статью о человеке, играющем на скрипке на станции метро. Холодным январским утром этот человек сыграл шесть пьес Баха во время час пик. Было подсчитано, что порядка тысячи сто человек прошли около него. Однако совсем на короткое время остановились лишь шесть взрослых людей и три ребенка. Музыкант заработал тридцать два доллара за сорок пять минут игры, никто не заметил его ухода, никто не аплодировал, не было никакого признания... В действительности этим скрипачом был Джошуа Белл, один из самых талантливых музыкантов в мире. А играл он одну из самых сложных частей из когда-либо написанных, на скрипке стоимостью три с половиной миллиона долларов. За два дня до игры Джошуа Белла в метро все билеты на его концерт были распроданы в театре Бостона, где стоимость одного места составляла сто долларов.

Воздух начал холодать из-за недостатка солнца и из-за после дождевой, остывшей земли. Милена потирала предплечья.

– Мы многого не замечаем не из-за бесчисленных событий в нашей жизни, а из-за того, что спешим за новыми дей-

ствиями, – он снял плащ и нежно окутал в него девушку. – Нужно просто остановиться, а затем неспешными шагами продолжить прогулку. И... нужно гулять по жизни, а не бегать по ней.

В скором времени мрак полностью поглотил небосвод, но искусственный свет одного из самых больших городов на планете не оставлял влюбленную пару в крошечной темноте. Они уже проговорили на отвлеченные темы, и их молчание длилось чуть меньше двух минут. Остановившись у одинокого фонаря, они поцеловались. Милена покусывала его губы, причем так она делала всегда. Поцелуй с ней – это смесь нежности и вкуса ее губ вперемешку с приятной болью. Она не открывала глаз, целуясь с Алексом.

«Хороший знак... Знак начинающейся любви», – подумал Фитцджеральд.

Их губы разъединились. Девушка, отмыкая веки, убрала блестящий взгляд цвета дневного неба в стоАрону ночного Гудзона.

– Может... – сказано было дрожащим голосом от холода и тому сопутствовал серебристый пар при произнесенном «может». – Может ко мне на горячий чай?

Приобняв ее за плечи, детектив со своей спутницей направились к оставленному «Ford».

Предвестником следующего утра стали вновь серые тучи, натянувшие небосвод от горизонта до горизонта. Хоть окна и были плотно закрыты, но Фитцжеральд ощущал уличный холод.

«Опять ужасная погода... Когда, просыпаясь этим летом, меня будут встречать солнечные лучи...»

Он прижался ближе к спящей Милене, от чего теплота начала разливаться не только по телу, но и проникла в его душу.

«Нужно сделать сегодня выходной», – не успел он завершить мысль, как на его мобильный поступил звонок, разливающийся волной по всей комнате.

Сделав глубокий вздох, он встал с кровати и начал искать телефон в карманах одежды. Милена, не открывая глаз, перевернулась и будто не замечала происходящего.

– Да, я Вас слушаю.

– Доброе утро, мистер Фитцжеральд. Вас беспокоит Люси Анджело, главный врач психиатрической больницы «Ломпак».

– Доброе утро, я Вас узнал, – огненно-рыжая женщина в белом халате предстала в его сознании. – Что-то случилось?

– Случилось нечто ужасное... Это не телефонный разговор. Вам необходимо приехать в больницу и увидеть все сво-

ими глазами.

– Буду через час.

Уютная комната гигантских размеров с вывешенными фотографиями Милены и ее клиентов, различных рас и возрастов, с индивидуальными прическами. Все фотографии висели на фиолетовой стене. Гамма цветов и изображений стилистического искусства успокоила детектива на мгновение, обездвижив его. Однако профессиональное любопытство и ответственность перед начатым делом взяли вверх.

Голод его не беспокоил, приняв в течение десяти минут душ и накинув вчерашнюю одежду, детектив вышел из квартиры, не разбудив спящую хозяйку.

Асфальто-каменный город, пропитанный бесчисленностью легенд и историй, которые кто-то опишет в стихах, в биографии, в сюжетах фильмов, в газетных статьях или перескажет устно, в надежде на сохранение, до сих пор творил историю, конечно зная, что большую часть произошедшего местные жители заберут с собой в могилу. История пишется постоянно – с восходом солнца и с его заходом, порой ночная смена даже увлекательнее дневной.

То, что произошло этой ночью, повергло в шок всех сотрудников психиатрической больницы.

Пока детектив неспешными шагами шел по большому коридору «Ломпака», ему встречались кроме медсестер, с поникшими лицами, полицейские, опрашивающие практически всех к ряду.

«Дурной знак», – подумал про себя Алекс. У палаты Гарри Фитча толпились врачи, полицейские и медицинские эксперты. Щелканье фотоаппарата слышалось далеко до подступов к палате.

– Извините, сюда посторонним нельзя, – перегородил ему дорогу молодой полицейский в форме.

Детектив уже было потянулся за значком, как толстый лейтенант, стоящий на пороге палаты, окликнул полицейского:

– Сержант, пропустите его. Он частный детектив Алекс Фитцджеральд.

– Тот самый? – удивленно переспросил полицейский и протянул ему руку. Алекс крепко сжал ее и направился в палату.

– Что там, Митч? – обратился он лейтенанту, но, взглянув на кровать, все понял и без объяснений.

Обезглавленное тело Гарри Фитча покоилось на белоснежной скатерти. Маньяк повеселился на славу – кровь фонтаном была разбрызгана по постельному белью, по столу, стулу, по умывальнику. А ведь только вчера он проводил допрос в этой комнате. Холод и отвращение смешались внутри детектива, тошнота подступила к горлу, а запах крови еще больше усилил это чувство. Но он сдерживался. Опустив глаза в пол, ему бросилась лужа рвоты:

«Не все стойкие, как я» – подумал про себя детектив.

– Всех четверых порешили подобным способом.

– Имеешь в виду, что они обезглавлены.

– Обезглавлены и крови ничуть не меньше... Черт, и кто все это будет убирать?

– Как все произошло?

– Никто не знает... – лейтенант вытащил гавайскую сигару и начал водить ею под носом, дабы сбить запах крови. – Ночью выключился свет в период с 2:30 до 3:30. Учитывая, что такое происходило неоднократно, никто толком не придал этому большего значения. Пока охрана возилась в течение часа с трансформатором, расположенным за пределами здания больницы, в самом здании остались четыре медсестры и один охранник. В это самое время и происходила кровавая мелодрама.

– Зачем ему их головы? – Алекс по полицейской привычке лишь задавал вопросы, но лейтенант, в прошлом еще начинавший с ним с трущоб Нью-Йорка, не обращал на это внимания, просто отвечая на них.

– Не знаю, Алекс. Могу только догадываться. В военной инженерии разрабатывается устройство, способное воспроизводить даже по мертвому мозгу информацию и кадры мыслей человека. Возможно, убийца в курсе разработок и дабы обезопасить себя, забрал их головы. Тем более, как сказала Люси Анджело, состояние подростков стабилизировалось, и в скором времени они бы все вспомнили. Так же возможно убийца знает и про тебя... О том, что ты пользуешься нетрадиционной методикой раскрытия уголовных дел известно

всему Нью-Йорку. Поэтому не исключено что он прознал и о том, что именно ты занимаешься этими подростками. А возможно он просто псих, который копит головы своих жертв, как трофеи. Черт их пойми этих маньяков...

– А когда их тела отправят к коронеру?

– Через час... А что ты там хочешь найти? Предварительно их зарубили топором, на их запястьях обнаружены надписи, сделанные маркером черного цвета.

– И что на них написано? – Алекс вынул из внутреннего кармана записную книжку.

– Гарри Фитч, единственный чье имя мы знаем, надпись на запястье руки «+4», подросток номер один надпись «-2», подросток номер два «+2», девочка-подросток «-1».

– Не знаешь, что значит? – убирая блокнот во внутренний карман, спросил Алекс.

– Понятия не имею. Но двери не были взломаны, а открыты ключом. Никто даже в соседних палатах не слышал шума. Кроме разговоров – разговаривал мужчина, но дети не подняли шума, скорее всего они знали убийцу, возможно, он один из местных санитаров. Возможно, просто прикинулся и из-за этого они без каких-либо подозрений приняли его. Пока ничего не понятно.

– Может он накачал их снотворным? – предположил детектив.

– Ничего не исключено. Вот поэтому и существуют коронеры.

– Спасибо, Митч, – поблагодарив лейтенанта, он вытащил сенсорный телефон новой модели. – Ты не против, если я тут сфотографирую все.

– Конечно, Алекс, – пропуская вовнутрь комнаты детектива, сказал полицейский. – Только не измажься тут и не клади в карман вещественные доказательства. Сержант, – обратился он к полицейскому, не пропускавшему на подступах к палате Фитцжеральда.

– Да, лейтенант, – отозвался тот.

– Проверите содержимое карманов у мистера Фитцжеральда, после окончания исследования, если в его кошельке будет больше ста долларов, то изъять и ко мне на стол.

Сержант ответил ему легкой улыбкой, понимая шутку, хотя в таком месте и при таких обстоятельствах она была вовсе не уместной.

* * *

«Как же так? – рассуждал про себя Алекс. – Одно дело похищение детей, а другое их убийство, причем таким жестоким образом, да и ни где-нибудь на окраине заброшенных кварталов, а в охраняемой лечебнице. Кто может быть подозреваемым? Весь персонал больницы и люди, имеющие доступ к ключам от палат. Не верится, что так бесшумно можно было обезглавить четырех подростков. Они же могли поднять шум... Почему они этого не сделали? Странно...»

Какая-то скрипучая мелодия кружилась в голове. Фитцджеральд взглянул на радио, но оно было выключенным.

«Опять?» – спросил он сам у себя, заглядывая на заднее сидение. В последнее время обострились приступы галлюцинации. Все эксперименты, проводимые в Кремьонской школе, давали о себе знать. Мозг ясно верил и видел, что смерть рядом, и довольно одного прикосновения ее костлявой руки, чтобы отправиться на тот свет, он видел существ, которые, не замечая его, просто пролетали или проползали рядом. Самое пугающее – он стал видеть внутренний облик людей по выражению потустороннего лица, подобно дымовой маске, облачающей человеческую физиономию. Эти лица показывали либо радужную улыбку, либо содержали грустные черты, либо выражали ярость или обиду... Но какими бы они не были, оттенки потустороннего мира пугали детектива.

«За все в этом мире нужно платить», – пришло на ум Алексу. Какие бы видения, наваждения, сверхъестественные явления не приходили к нему – они всегда были молчаливы. Эта слуховая галлюцинация непонятной мелодии совсем его сбила. Алекс остановил серебристый автомобиль и вышел. Он не мог продолжать дальнейшее движение.

Кроме гулявшего ветра по голым степям и приглушенной работы двигателя иных звуков не слышалось. Детектив взглянул сначала назад и увидел бледное пятнышко серой лечебницы, затем посмотрел вперед на очертание дневного Нью-Йорка. Сегодня выдался солнечный день с редкими об-

лаками день, свет солнца и голубизна неба брали свое. Оценивая оба расстояния, детектив определил, что проехал ровно половину пути. Он сделал шаг к машине и вновь отошел от «Ford».

«Нужно взять себя в руки... – он боролся сам с собой. – Да что это со мной?»

Зазвонил мобильный телефон. Детектив быстро вытащил его из салона и опять отошел от автомобиля, будто техника было проклятой.

– Да я Вас слушаю? – умеренным голосом ответил он.

– Мистер Фитцджеральд, здравствуйте... Я к Вам вчера приходила. Помните? Саманта Флюгер.

– Да, миссис Флюгер, – вспомнил детектив про интеллигентную леди с письмом от покойного супруга. – Нашли письмо?

– Да. Нашла... Где мы могли бы встретиться с Вами и через сколько? – в ее голосе чувствовалось беспокойство.

– Приходите ко мне. Где-то... – он задумался, оценивая время, через которое сможет перебороть свой страх к автомобилю и доехать до города. – Где-то... Приблизительно час.

– Хорошо, мистер Фитцджеральд. Я буду. Всего Вам доброго, – она повесила трубку.

Бродвей – промышленная в прошлом улица для Алекса стала родной совсем недавно. Еще три года назад полицейским управлением ему был выдан небольшой домик с палисадником в бедном районе «Железнодорожных банд». Те-

перь же, получая невероятные суммы за раскрытые громкие преступления от заказчиков и от полицейского департамента, он мог позволить себе роскошную жизнь. Правда из ценных покупок у него была лишь эта квартира на одном из многоэтажек Бродвея, которая обошлась ему в шестьсот тысяч долларов. Ездил он так же на своем «Ford Sierra» 1986 года выпуска, не разгуливал по дорогим клубам, не летал за границу... Все что его привлекало, было в Нью-Йорке: величайшие театральные постановки ставились на его же улице, изысканными ресторанами была богата любая улица города-многомиллионника, плюс ко всему голубоглазая брюнетка, живущая на соседней улице, стала занимать в его жизни немаловажную роль... И самое главное – интереснейшие и запутанные, будоражащее кровь преступления проходили именно в этом городе.

«На медовый месяц точно отправлюсь в Париж», – подумал про себя детектив проезжая Манхеттен.

Он впервые планировал путешествие, обычно новшества в его жизни были редкостью. К примеру, Алекс долго взвешивал стать ли ему частным детективом или продолжить карьеру в органах правопорядка. Но каждый новый шаг в его жизни обязательно приводил к благополучному исходу. Вот и сейчас, подъезжая к своему дому, Фитцджеральда согревало чувство о свадьбе, медовом месяце, семейной жизни.

Оставив «Ford» на стоянке он направился к своему дому и увидел у дверей подъезда миссис Флюгер. Было заметно,

что женщина с английской внешностью, прождала его немало времени.

Алекс на всякий случай взглянул на наручные часы: «Нет... Я вовремя, как и договаривались».

– Добрый день, миссис Флюгер.

– Здравствуйте, детектив, – добродушно отозвалась леди.

На ней был молочный пиджак с юбкой того же цвета, черная шляпа, оставляющая в тени ее лицо, из обыденного аксессуаров на шее красовалось жемчужное ожерелье.

– Как долго меня ждете?

– Ой, Вы знаете, буквально только что приехала, – сказала женщина.

«Ох уж, эти англичанки. Ничто не заставит их отказаться от этикета».

– Как смотрите на предложение выпить кофе?

– Предложение было бы кстати, согласилась леди.

Заходя в подъезд дома, их окутал серебристый блеск стен. Аккуратно покрашенные – они отдавали холодом. Алекса привлекало чувство, когда после очередного задания он возвращался январским утром, продрогший от многочасового пребывания на улице, затем еще больший холод нагнетали серебристые стены подъезда, входя в синий лифт, казалось даже потаенных уголков души касался холод, но затем... Светлая квартира с пушистым ковром под ногами, да еще и с изображением на ней каравана в жаркой пустыне, персиковые обои на стенах и пускающая пар на столе кофеварка

с горячим напитком – вся эта атмосфера создавала положительный контраст уличному ненастью.

– Располагайтесь, пожалуйста, – указывая на кресло в гостиной, предложил хозяин квартиры. – Я пока сделаю кофе.

Повесив шляпу и плащ, он затем принялся готовить горячий напиток, достал из холодильника эклер и чизкейк, и спустя буквально две минуты все выше перечисленное было на стеклянном столе в гостиной.

Фитцджеральд расположил кресло клиента так, что хоть они и находились по разные стороны, но не были расположены друг против друга. В вычитанных им книгах по психологии он знал, что расположенные друг напротив друга собеседники настроены на конфликт и спор. Однако детектив помимо слов должен был видеть мимику, глаза, жесты собеседника. Порой они могли сказать многое о клиенте, включая его характеристику и истинность его слов. Миссис Флюгер чувствовала себя не комфортно, и это было заметно более чем – она села на край кресла и то и дело ерзала на нем.

– Изумительный кофе, – отпив глоток, сказала женщина, от пирожных она отказалась. – Скажите, как продвигается Ваше расследование?

– С каждым днем все хуже и хуже, если честно, – о том, что подростков обезглавили нынешней ночью, Фитцджеральд решил умолчать. – Честно говоря, оно зашло в тупик... Давненько знаете-ли не было запутанные дел... Кстати, это то самое письмо?

– Да, – Саманта переменялась в лице, протягивая конверт. Детектив вынул письмо и с первого взгляда определил, что оно было написано совсем недавно.

«Дорогая моя, нежная моя, сладкая моя... Как ты?

Не знаю как у вас дела в Нью-Йорке, но здесь все просто прелестно. Свежие абрикосы, тяжелый виноград большими гроздьями свисают с ветвящейся лозы, которая практически покрывает весь мой дом. Все чем я занимаюсь – это трачу время на него. Буквально неделю назад закончил его покраску – ты бы видела мою зеленую крепость. Огород полон всего помимо абрикосов и винограда тут и грядки с помидорами, красными, как кровь, лимонами желтее цвета одуванчиков, сочными апельсинами, спелыми бананами. По выходным я беру велосипед и уезжаю в соседние селения к родственникам или наоборот приглашаю их к себе. Мы часто сравниваем, чьи фрукты вкуснее. Вечер заканчиваем либо игрой в шахматы, либо обсуждением произведений классиков давно забытых, но недавно прочитанных и, конечно, «Рэд Сокс»... Бейсбол в прошлом был для меня нечто большим, чем жизнь... В прочем, как и ты, моя радость... Телевизор все-таки хорошая штука. Благодаря нему я узнал и об избрании нового президента и о победе моей команды в чемпионате. Честно говоря, узнав о том, что у США будет чернокожий президент – слегка удивился. Еще будучи живым, я вычитал в книге «Тысячи пророчеств», что чернокожий президент одной из могущественных держав начнет Третью

Мировую Войну, которая приведет к концу света. Хотя если говорить о конце света, то для кого-то он наступает каждый день...»

Оставшиеся строки Фитцджеральд начал читать в слух:

– Хотел бы поблагодарить тебя от избавления меня от мучений. Саманта, ты сделала это по моей просьбе. Однако здесь это сочли самоубийством, и некоторое время мне пришлось доказывать, что я достоин лучшей жизни, и не отношусь к порочным людям... Учитывая, что это ты отключила меня от аппарата искусственного поддержания жизни, тебе тоже предстоит пройти приблизительно тот же путь, что и мне... Не беспокойся, милая. Все имеет конец... Даже ад... В принципе это все, что я хотел сказать... И самое главное... Я люблю тебя...»

Миссис Флюгер безмолвно лила слезы, вспоминая человека, с которым прожила жизнь. Детектив выдержал паузу, которая была как нельзя кстати. Женщина сама раскрыла ему подробности последних дней супруга:

– Мистер Фитцджеральд, надеюсь, все, что я Вам расскажу, останется в полной тайне...

– Можете не сомневаться, миссис Флюгер, – заверил детектив. – Может воды?

Она, дрожащими руками вынула платок, вытирая влагу с лица, принялась объяснять:

– Спасибо, но не нужно... Мой супруг сильно мучился от головных болей – они были невыносимы. Возможно влияние

возраста, окружающей среды, но в один день все просто взяло и началось. В скором времени у него случился инсульт, и он попал в больницу. Каждый день состояние менялось то в лучшую, то в обратную сторону – он мог разговаривать, но не больше получаса в день. Затем его парализовало, и супруг, хватаясь за голову, ревел от боли. В предсмертные дни его парализовало полностью, так, что он даже не мог разговаривать. Все эти дни я не отходила от кровати больного, но доктора не брали ответственность отключить его от аппарата искусственного поддержания жизни. Но я чувствовала... – тут леди чуть повысила голос и заплакала. – Я чувствовала, что он страдает от головных болей. В этот момент зрачки Энди повернулись в мою сторону, и из его глаза скатилась слеза... Я не могла больше смотреть на его мучения... Мы уже пожилые люди... Не так мы должны заканчивать свою жизнь...

Она замолкла, но слушатель и без продолжения рассказа понял, что затем сделала англичанка... Алекс все же сходил за стаканом воды, на что женщина тихим голосом произнесла: «Спасибо!».

– Давайте последуем следующим образом, – предложил детектив, положив блокнот с ручкой на стеклянный стол. – Я берусь за это дело. Оставьте мне письмо и Ваши данные, чтобы я мог связаться с Вами и желательно адрес, куда я мог пересылать корреспонденцию. Раз в неделю я буду навещать Вас, давая отчет о продвижении расследования.

Дрожащими руками она прописывала в блокноте все данные, но женщина все же пришла в себя.

– Я благодарю Вас, мистер Фитцджеральд, – уже собираясь уходить, поблагодарила миссис Флюгер. – За оплату услуг не беспокойтесь – я состоятельная леди.

– Обо всем об этом после первых результатов, – уверил Алекс. – А пока успокойтесь, не лейте понапрасну слезы, не тратьте свои нервы. Обещаю разобраться с этим материалом в кратчайшие сроки.

– Всего доброго Вам, детектив. И спасибо, что из Ваших важных дел уделили время несчастной старой женщине... Храни Вас Бог.

– Всего доброго, миссис Флюгер.

* * *

Про район «Кровавых псов» Алекс знал не понаслышке, но не обладал влиянием и не имел здесь знакомых, кроме пары шестерок. Главарем банды был Реймонд Чарльз по прозвищу Бриллиантовый пес. Массивный афроамериканец, поймавший на своем веку кровавую войну во Вьетнаме, потерю семьи в пожаре собственного дома, заключение за избивание хулиганов.

«Кровавым псам» принадлежали складские помещения. В начале своего формирования, как банды, они занимались мелкими кражами из этих складов, принадлежащих еще в

то время научно-исследовательскому институту. Затем из-за малого бюджета институт начал сдавать в аренду бизнесменам и торговцам производственные площади. Вот тут-то и появились мелкие банды промышлявшие воровством. В скором времени они объединились под руководством Реймонда Чарльза. Бриллиантовый пес на вырученные деньги скупил огромные помещения у института и сдавал их тем же торговцам под большую арендную плату, однако кражи прекратились. Данная сделка даже больше пришлась по душе арендаторам, чем сниженная цена без безопасности товаров.

Ходило много легенд по районам Нью-Йорка именно об этой банде. Самой достоверной и страшной историей значился обряд посвящения в «Кровавые псы». Считалось, что стать членом банды можно было только после жертвоприношения, но как производится ритуал, кого приносят в жертву, что необходимо делать и произносить знали только избранные. Самым сложным было найти место совершения. Среди бесчисленных складов, площадью практически в один гектар, существовало здание, в подвале которого все и происходило. Единственное, что точно знал детектив – ритуал проходил в три часа ночи.

Фитцджеральд вторую ночь приезжал затемно ко входу в склад и наблюдал за грузовыми автомобилями, приезжавшими из Северной Дакоты, Канзаса, Техаса, Филадельфии, Лос-Анджелеса и других городов. Водители останавливались у КПП с охранником, не заглушая мотора, выходили

из массивных грузовиков и предоставляли документы охраннику. Проверив правильность заполнения документации, он указывал водителю, в каком из складов его уже ожидают приемщики товара. Затем открывался шлагбаум и фура, покачиваясь из стороны в сторону, проезжала контрольно-пропускной пункт. Никто из охранников не открывал запломбированные прицепы. Так что не исключено, что в одном из сотен помещений хранились тонны героина, предназначенные для розничной продажи в трущобах Нью-Йорка или в богатых клубах города многомиллионника, либо резервный фонд вооружения разведки США, специально отложенный для нападения на исламские страны, либо водородная бомба одного из местных террористов, подготавливающего массовое убийство на ближайший срок. Полная конфиденциальность в хранении и бдительная охрана со стороны арендодателя. За то время пока «Кровавые псы» являлись собственниками складов, не было совершено ни одной кражи. Вход в охраняемую территорию был один, и детектив расположил серебристый «Ford» так, чтобы было видно въезжающие и выезжающие машины.

Из пластикового стакана с большим логотипом «М» медленно поднимался пар и аромат черного кофе. Он сделал глоток и поставил стакан на панель. Сонливость и доза бодрости вновь вернулись к нему.

Глоток согревающим действием начал покрывать его тело. Действия на данном этапе были не нужны, только бди-

тельность и везение. Луна была такой яркой, что в городе можно было отключить все фонари, та самая погода, когда можно сказать ни холодно, ни жарко. По радио Фрэнк Синатра славил Нью-Йорк в одноименной композиции, а детектив барабанил в такт мелодии по рулю. Ничего необычного. Грузовики как въезжали, так и выезжали, проделывая одни и тот же алгоритм действий.

Детектив взглянул на наручные часы: «Если у них ритуал начинается в три часа ночи, то самое время приехать». Фитцджеральд уставился в пол и не мог поверить глазам... Пол казался живым, присмотревшись он увидел черных гадюк, ползающих друг по другу, по его коричневым туфлям, через его панель по пассажирскому креслу, заполняя авто противными звуками шипения и бесконтрольными движениями. Они были повсюду, оставляя за собой слизистую дорожку продвижения, казалось, что запах от этой слизи отдавал протухшей водой.

Алекс не ударился в панику. Схватив крепче руль, он медленно закрыл глаза и начал логическую цепочку рассуждений, объясняя своему мозгу, что это очередной мираж: «Я в Нью-Йорке. Здесь змеи либо в террариумах, либо в лесах за пределами города. В автомобиле я один, на заднем сидении никого нет, кто бы мог подкинуть столько ползучих тварей. Я болен. У меня зрительные, а теперь и слуховые и вкусовые галлюцинации. Все это потому, что я обучен читать чужие мысли и пользоваться гипнозом. Потенциал моего мозга та-

кой же, как у простого среднестатистического человека. Однако я проходил обучение в специализированной школе, делая большие нагрузки на свое сознание. Тем самым и навлек на себя побочные эффекты обучения и приобретенных навыков. В действительности здесь змей нет и быть не может – это всего лишь очередная галлюцинация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.